Любовь в полдень

Автор:
Лиза Клейпас

Любовь в полдень

Лиза Клейпас

Семья Хатауэй #5Шарм (АСТ)

Беатрикс Хатауэй уже смирилась с судьбой безнадежной старой девы – никакая красота не поможет эксцентричной чудачке, предпочитающей светской жизни прогулки по лесам и заботу о животных. Однако все меняется, когда Беатрикс под видом своей легкомысленной подружки Пруденс Мерсер начинает переписку с ее женихом – капитаном Кристофером Феланом, оказавшимся на далекой и жестокой войне.

Умные, добрые, тонко чувствующие Беатрикс и Кристофер составили бы идеальную пару. Одно небольшое «но»: когда капитан вернется, ему предстоит узнать, что женщина, в которую он страстно влюблен, совсем не та, на которой он собирался жениться…

Лиза Клейпас

Любовь в полдень

© Lisa Kleypas, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Пролог

«Капитану Кристоферу Фелану

Стрелковая бригада, 1-й батальон

Мыс Мапан, Крым

Июнь 1855 года

Дорогой Кристофер.

Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Глава 1

Графство Гемпшир, Англия

За восемь месяцев до этого

Все началось с письма.

Если вдаваться в подробности, то следует пояснить, что речь в письме шла о собаке.

– Так что же это за собака? – спросила Беатрикс Хатауэй. – Хозяин у нее есть?

Пруденс, первая красавица графства Гемпшир и подруга Беатрикс, подняла глаза от письма поклонника, капитана Кристофера Фелана.

Правила хорошего тона диктовали, что джентльмену не пристало вступать в переписку с незамужней молодой леди, и все же письма исправно курсировали благодаря посредничеству невестки Кристофера.

– Право, Беа, судьба собаки интересует тебя острее, чем благополучие самого мистера Фелана. – Пруденс шутливо нахмурилась.

– Капитан Фелан в моем участии не нуждается, – деловито возразила Беатрикс. – Все невесты Гемпшира обильно осыпают красавца знаками внимания. К тому же он предпочел отправиться на войну и теперь наверняка отлично проводит время и с удовольствием разгуливает в новеньком щегольском мундире.

– И вовсе он не щегольской, – последовал мрачный ответ. – В том-то и дело, что мундиры в новом полку просто ужасны: темно-зеленые, с черными обшлагами и черным воротником. Ни золотого шитья, ни яркой строчки – ничего! Когда я спросила, зачем это, капитан объяснил, что темная форма помогает остаться незаметным. Полная бессмыслица: каждый знает, что британский солдат слишком храбр и горд, чтобы прятаться во время сражения. Но Кристофер, то есть капитан Фелан, сказал, что необходим… кажется, он произнес какое-то трудное французское слово…

– Может быть, камуфляж? – подсказала Беатрикс.

– Точно! А ты откуда знаешь?

– Многие животные пользуются камуфляжем, чтобы прятаться от опасных врагов. Например, хамелеоны меняют цвет. А крылья совы покрыты пестрыми пятнами, под цвет древесной коры. Таким образом, получается, что…

– Ради Бога, только не начинай очередную лекцию о животных!

– Согласна замолчать лишь в том случае, если расскажешь о собаке.

Пруденс протянула письмо:

– Возьми и прочитай сама.

– Нельзя! – запротестовала Беатрикс, с опаской принимая небольшие аккуратные страницы. – Что, если капитан Фелан написал что-нибудь личное?

– Если бы он написал, я была бы просто счастлива! К сожалению, сплошной мрак: ничего, кроме сражений и дурных новостей.

Беатрикс совсем не испытывала желания защищать капитана, но все-таки справедливости ради сочла нужным уточнить:

– Но ведь он на войне, в Крыму. Вряд ли боевые действия доставляют массу приятных впечатлений.

– Ну а я никогда не интересовалась и не интересуюсь чужими странами и даже не пытаюсь притворяться.

Подруга улыбнулась:

– Послушай, Пру, ты уверена, что действительно хочешь стать женой военного?

– Само собой… большинство офицеров никогда не воюют, а остаются в городе и ведут светскую жизнь. Ну а если они соглашаются получать половину жалованья, то и вообще не имеют почти никаких служебных обязанностей и даже не должны проводить время в полку. И капитан Фелан ничем не отличался от других, пока не получил приказ отправиться воевать за границу. – Пруденс пожала плечами. – По-моему, войны всегда случаются некстати. Одно утешает: скоро Кристофер вернется в Гемпшир.

– Правда? Почему ты так думаешь?

– Родители говорят, что война закончится к Рождеству.

– Честно говоря, я тоже об этом слышала. Вот только не преувеличиваем ли мы собственную силу и не преуменьшаем ли возможности русских?

– Фу, как непатриотично! – возмущенно воскликнула Пруденс, не считая нужным спрятать иронию.

– Патриотизм не имеет отношения к тому факту, что военное ведомство в порыве энтузиазма отправило в Крым тридцать тысяч солдат, но не потрудилось заранее подготовить кампанию. В итоге наши генералы не могут похвастаться ни знанием местности, ни зрелым стратегическим планом действий.

– Откуда тебе все это известно?

– Регулярно читаю «Таймс». Там каждый день печатают подробный анализ событий. А ты газетами не интересуешься?

– Если и интересуюсь, то только не политикой. Родители говорят, что молодая леди не должна забивать голову подобными проблемами.

– А у нас дома мировые события давно принято обсуждать за ужином, и мы с сестрами непременно участвуем в разговоре. – Беатрикс помолчала и с хитрой улыбкой добавила: – Иногда даже позволяем себе иметь собственное мнение.

Пруденс искренне возмутилась:

– Какой ужас! Что ж, стоит ли удивляться? Все знают, что ваша семья… «другая».

«Другая». Как правило, члены семьи Хатауэй получали не столь мягкие характеристики. Четыре сестры и брат жили вместе. Хозяином дома считался единственный мужчина, Лео, а в подчинении у него находился небольшой женский отряд: Амелия, Уинифред, Поппи и Беатрикс. После смерти родителей семейство пережило неожиданный и невероятный зигзаг судьбы: внезапно обнаружилось дальнее родство с аристократической ветвью старинного рода, и в результате целого ряда непредвиденных событий Лео унаследовал титул

виконта Рамзи, к которому ни он сам, ни сестры не были готовы даже отдаленно. Первым серьезным изменением стал переезд из маленького местечка под названием Примроуз в поместье Рамзи, расположенное на юге Англии, в графстве Гемпшир.

За шесть лет новообращенным аристократам удалось собрать и систематизировать знания, необходимые для безболезненного существования в так называемом благородном обществе. И все же никто из пятерых так и не смог перенять аристократический образ мыслей, приобрести подобающие положению взгляды на жизнь и довести до автоматизма изысканные манеры. Виконт и красавицы сестры получили огромное состояние, однако к земле и деньгам не прилагалось ни внушительной родословной, ни полезных связей. Оказавшись в столь шатком, двусмысленном положении, любая другая семья попыталась бы исправить ситуацию выгодными браками, однако Хатауэи издавна женились и выходили замуж исключительно по любви.

Ну а что касается будущего младшей из сестер, то после четырех светских сезонов, проведенных в Лондоне, ее склонность к замужеству вообще стала вызывать большие сомнения. Беатрикс вела полудикий образ жизни и значительную часть времени проводила в лесах, полях и болотах Гемпшира – с равным успехом ездила верхом и ходила пешком. Обществу людей она открыто предпочитала дружбу с четвероногими, хвостатыми и крылатыми: постоянно подбирала больных и осиротевших животных, лечила, выхаживала, воспитывала. Те из питомцев, которые не могли вернуться в родную стихию, оставались в поместье и пользовались неусыпной заботой хозяйки. Среди деревьев, зверей и птиц мисс Хатауэй чувствовала себя счастливой и необходимой, а вот в личной жизни обстоятельства складывались не столь идеально.

Все чаще грызло неуемное, томящее душу чувство неудовлетворенности, нередко перетекавшее в черную тоску. Основная проблема заключалась в том, что никак не удавалось встретить «своего» человека. В лондонских гостиных обитали бледные, рафинированные мужские особи, не вызывавшие иных чувств, кроме жалости. В деревне мужчины проявляли больше признаков жизни и даже умели казаться интересными, однако никто из них не обладал даже малой толикой того не поддающегося названию магического притягательного начала, о котором так мечтала Беатрикс. Она искала человека, равного себе по остроте чувств и силе воли. Хотела самозабвенной любви… страсти… сражений и побед.

Мисс Хатауэй посмотрела на сложенное письмо.

Нельзя сказать, что она плохо относилась к Кристоферу Фелану – скорее, сознавала, что джентльмен представляет полную противоположность ей самой. Прекрасно воспитанный светский молодой человек естественно, без тени напряжения вращался в том кругу, где она чувствовала себя чужой, а порой и лишней. Вырос он в весьма состоятельной семье: дед по материнской линии носил графский титул, а семья отца занималась корабельным бизнесом и заработала значительный капитал.

Хотя семейство Феланов не могло претендовать на древний аристократический герб, старшему из двух сыновей, Джону, после смерти деда предстояло унаследовать старинное родовое поместье Ривертон, расположенное в графстве Уорикшир. Джон с детства проявлял похвальную рассудительность, а женившись, стал прекрасным семьянином и любящим мужем, готовым исполнить любое желание супруги Одри.

Кристофер вырос человеком совсем другого склада. Как часто случалось с младшими сыновьями, в возрасте двадцати двух лет он приобрел патент на офицерский чин и поступил в армию корнетом – лучшее занятие для молодого красавца, особенно если учесть, что его главной служебной обязанностью было везти знамя кавалерии во время парадов и строевых учений. Лондонские дамы обожали блестящего военного, а он не перегружал себя излишней заботой о формальностях, то и дело покидал расположение полка и с удовольствием проводил время в танцах, пирушках, азартных играх, мотовстве и скандальных любовных приключениях.

Беатрикс видела Кристофера дважды. Первая встреча состоялась на танцах в Стоуни-Кросс, и впечатление оказалось крайне неблагоприятным: более дерзкого и самоуверенного человека не удалось бы найти во всем Гемпшире. Ну а во второй раз довелось вместе провести время на пикнике, и мнение ее изменилось в худшую сторону: мистер Фелан приобрел звание самого дерзкого и самоуверенного человека на всем белом свете. Дело в том, что Беатрикс случайно подслушала разговор Кристофера с одним из приятелей.

– Странная особа эта мисс Хатауэй, – заметил он.

– А мне она кажется милой и оригинальной, – возразил собеседник. – И о лошадях рассуждает со знанием дела; ни одна из молодых дам не сможет с ней сравниться.

– Ничего удивительного, – сухо отозвался Фелан. – В конюшне эта особа выглядела бы более уместно, чем в гостиной.

С тех пор мисс Хатауэй старалась держаться подальше от корнета. И дело даже не в том, что сравнение с лошадью показалось обидным: ничего подобного. Лошади – чудесные животные, преданные и благородные. Кроме того, Беатрикс сознавала, что, не отличаясь яркой красотой, обладает немалым обаянием. Джентльмены не раз восхищались прекрасными темно-каштановыми волосами и выразительными голубыми глазами.

И все же скромная прелесть бледнела перед золотым великолепием Кристофера Фелана. Офицер сиял, как Ланселот, архангел Гавриил, а возможно, и Люцифер (если признать, что искуситель когда-то был самым прекрасным из ангелов): высокий, ясноглазый, с волосами цвета освещенной солнцем зрелой пшеницы. Безукоризненная военная выправка подчеркивала прекрасную атлетическую фигуру – сильную и прямую, как стрела. Каждое движение, даже самое медленное и ленивое, отличалось сдержанной энергией и непринужденной грацией сознающего свое бесспорное могущество хищника.

Не так давно Фелан попал в число немногих избранных, отозванных из различных полков и включенных в состав вновь созданной особой части Стрелковой бригады. «Стрелки» – как их стали называть – представляли собой особую когорту военных, призванных полагаться на собственную инициативу. Во время военных действий им предстояло проникать за линию фронта и уничтожать вражеских офицеров и лошадей, не доступных с обычных позиций. Удивительная меткость Фелана не осталась незамеченной, и скоро он получил чин капитана Стрелковой бригады.

Беатрикс подозревала, что завидное продвижение по службе вряд ли могло обрадовать офицера – в первую очередь потому, что блестящую, почти театральную гусарскую форму, черную, с богатым золотым шитьем, пришлось сменить на невзрачный темно-зеленый мундир.

– Можешь почитать, пока я приведу в порядок прическу, – предложила Пруденс, усаживаясь перед зеркалом.

– Но твои волосы и так безупречны! – воскликнула Беатрикс, восхищенно рассматривая замысловатую конструкцию из светлых кос. – Тем более что мы собираемся всего лишь прогуляться до деревни. Никто даже не узнает, что у тебя на голове.

– Я узнаю. Да и вообще, разве можно предположить, кого встретишь по дороге?

Беатрикс уже успела привыкнуть к постоянному кокетству подруги, а потому лишь улыбнулась и покачала головой:

– Что ж, если не имеешь ничего против нарушения тайны переписки, прочитаю рассказ о собаке.

– Не надейся, не прочитаешь. Пока ты доберешься до нужной страницы, уснешь по дороге. – Пруденс передернула плечами и метким движением вонзила в косу очередную шпильку.

Беатрикс взглянула на исписанную мелким почерком страницу. Слова теснились, словно с трудом помещаясь на строчках, а тугие, как пружинки, завитки букв грозили распрямиться и выскочить на волю.

«Дорогая Пруденс.

Сижу в пыльной палатке и пытаюсь придумать какие-нибудь выразительные, красноречивые слова. Увы, бесполезно. Вы заслуживаете пышных комплиментов, но могу сказать лишь одно: не перестаю о вас думать. Представляю, как держите это письмо, чувствую тонкий аромат духов на вашем запястье. Хочется тишины, прозрачного воздуха, постели с мягкой белой подушкой…»

Беатрикс удивленно вскинула брови и недоуменно посмотрела на подругу. Высокий ворот платья внезапно стал тесным, удушающим.

– Неужели тебе это кажется скучным? – Вопрос прозвучал почти смущенно, а на щеках вспыхнул румянец.

– Начало – лучшее, что здесь есть. Читай дальше, – распорядилась Пруденс.

«…Два дня назад, продвигаясь вдоль побережья к Севастополю, на реке Альма сразились с русскими. Говорят, победа осталась за нами, но радости никто не чувствует. Потеряли две трети офицеров и четверть сержантского состава. Вчера копали могилы. Список убитых и раненых уже окрестили «счетом мясника». На сегодняшний день погибли триста шестьдесят британцев, но вскоре число погибших возрастет: многие из раненых не выживут.

Один из павших, капитан Брайтон, привез лохматого терьера по кличке Альберт – самую упрямую и непослушную собаку на свете. Когда Брайтона похоронили, пес уселся у могилы и несколько часов подряд выл не переставая, а каждого, кто осмеливался подойти, норовил укусить. Я имел неосторожность поделиться с беднягой галетами, и теперь несчастное создание не отстает от меня ни на шаг. Вот и сейчас сидит в моей палатке, смотрит на меня полусумасшедшими глазами, а выть перестает лишь изредка. Стоит подойти, сразу бросается в атаку. По суровым военным правилам пса, конечно, надо было бы пристрелить, но я и без того устал от убийств. В скольких семьях оплакивают потерянные жизни близких? Погибли сыновья, братья, отцы. Я уже обеспечил себе место в аду, а война ведь недавно началась. Чувствую, что стремительно меняюсь, и не в лучшую сторону. Человека, которого вы знали, больше не существует. Боюсь, что тот, кто пришел на его место, симпатии не вызовет.

Запах смерти… повсюду запах смерти.

Поле битвы усеяно кусками человеческих тел, обрывками одежды, подметками от сапог. Попробуйте представить взрыв, способный оторвать подошву. Говорят, что в местах сражений дикие цветы растут особенно буйно: земля вспахана и полита кровью; семена обильно прорастают. Хочется уйти в себя, погрузиться в печаль, но нельзя: не место и не время. Придется прятать чувства.

Остался ли на свете хотя бы один мирный уголок? Прошу, напишите мне. Расскажите мне о новой вышивке, о любимой песне, которую вы часто поете. Часто ли в Стоуни-Кросс идет дождь? А листья начали уже желтеть?

Ваш Кристофер Фелан».

Дочитав до конца, Беатрикс ощутила, как сердце наполняется неожиданным, неведомым состраданием.

Неужели такое письмо могло прийти от холодного, самовлюбленного, язвительного мистера Фелана? Трудно было поверить. Тоска, одиночество, душевная боль взывали к участию.

– Непременно напиши ответ, Пру, – посоветовала она и бережно сложила страницы; совсем не так, как впервые взяла их в руки.

– И не подумаю. Сочувствие лишь вызовет новые жалобы. Лучше промолчу: возможно, следующее письмо окажется веселее.

Беатрикс нахмурилась.

– Не секрет: капитан Фелан мне не очень-то симпатичен, но написать такое письмо… он заслуживает поддержки, Пру, честное слово. Просто черкни несколько строчек, несколько слов утешения. Много времени это не займет. А насчет собаки у меня есть совет…

– Отказываюсь обсуждать грязную обшарпанную шавку! Сама пиши!

– Я? Но мои письма ему не нужны. Он считает меня странной.

– Непонятно, с какой стати. Из-за того, что ты взяла на пикник Медузу?

– О, Медуза – исключительно воспитанная ежиха! – обиделась Беатрикс.

– Да, но тот джентльмен, который поранил руку, скорее всего так не считал.

– Он неправильно ее взял! Когда поднимаешь с земли ежика…

– Можешь не объяснять, потому что я никогда в жизни не прикоснусь ни к одному ежу на свете! Ну а что касается капитана Фелана… если его нытье так

тебя тронуло, сочини ответ и поставь в конце мое имя.

– А разве он не заметит, что почерк другой?

– Не заметит. Я еще ни разу ему не писала.

– Но он же не мой поклонник, – упорствовала Беатрикс. – Я ничего о нем не знаю.

– Не волнуйся, знаешь ничуть не меньше, чем я. Знакома с его родными, дружишь с его невесткой. И я бы не стала называть мистера Фелана поклонником. Во всяком случае, он далеко не единственный. Я не намерена давать обещание выйти замуж раньше, чем жених не вернется с войны целым и невредимым. Кому нужен муж, которого до конца жизни придется возить в инвалидном кресле?

– А ты, оказывается, жестокая.

Пруденс гордо улыбнулась:

– По крайней мере честная.

Беатрикс взглянула с сомнением.

– И что же, честность не мешает переложить на чужие плечи ответственное дело – написать за тебя любовное послание?

Пруденс небрежно отмахнулась.

– И вовсе оно не любовное. И в его письме не найдешь ни слова о любви. Просто придумай что-нибудь жизнерадостное и ободряющее.

Беатрикс нашла затаившийся в складках повседневного платья карман и аккуратно спрятала сложенные листки. Сомнения не отступали: обман, пусть и ради благой цели, никогда и никого до добра не доводил. Но с другой стороны… никак не удавалось прогнать образ уставшего, страдающего воина: похоронив товарищей и вернувшись в тесную палатку с распухшими, до крови стертыми тяжелой лопатой ладонями, он торопливо пишет письмо. А рядом тоскливо воет

осиротевший косматый пес.

Внезапно стало ясно, что сочинить ответное письмо – тяжкий труд. Да и Пруденс скорее всего просто струсила.

Беатрикс попыталась представить, с какой сердечной болью Кристофер покинул удобную приятную жизнь и оказался в мире, где само существование грозило оборваться со дня на день, с минуты на минуту. Воображение отказывалось рисовать избалованного красавца в условиях голода, одиночества, лишений, опасности и… смерти.

Она поймала в зеркале взгляд подруги.

– Так какая же твоя любимая песня, Пру?

– Если честно, то у меня ее вообще нет. Напиши ему о своей.

– Может быть, следует спросить совета у Одри? – предложила Беатрикс, имея в виду жену Джона Фелана.

– Ни в коем случае. У Одри проблемы с честностью: ни за что не отправит письмо, если узнает, что писала не я.

Беатрикс издала неопределенный звук, похожий одновременно и на смех, и на стон.

– Вряд ли подобный подход можно назвать «проблемами с честностью». Послушай, Пру, может быть, все-таки передумаешь и напишешь сама? И проблемы сразу исчезнут… такое простое, очевидное решение.

Пруденс, однако, отличалась невероятным упрямством, и чем настойчивее ее заставляли что-то делать, тем тверже она стояла на своем. То же самое произошло и сейчас.

– Простое и очевидное для всех, кроме меня, – решительно возразила она. – Убеждена, что ни за что на свете не смогу ответить на сумбурное, запутанное письмо. Не исключено, что Фелан и сам уже забыл, о чем писал. – Она вновь

сосредоточилась на собственном отражении в зеркале и старательно провела по губам нежно-розовой помадой.

Ах, до чего же прелестно выглядела мисс Мерсер! Личико в форме сердечка, тонкие, безупречно изогнутые брови над круглыми зелеными глазами. Но увы, зеркало не отражало ничего, кроме внешней оболочки. Разве можно было догадаться, какие чувства Пруденс испытывает к Кристоферу Фелану? Ясно было одно: ответ, пусть и неуклюжий, жизненно необходим. Порой молчание способно ранить не менее безжалостно, чем пуля.

Беатрикс вернулась домой, в Рамзи-Хаус, поднялась в свою комнату, устроилась за письменным столом и окунула перо в темно-синие чернила. На одном конце стола невозмутимо возлежала трехногая кошка по имени Счастливица и настороженно наблюдала за хозяйкой. Любимая ежиха Медуза расположилась на противоположном конце. Счастливица понимала, что маленькое колючее создание лучше не трогать.

Беатрикс заглянула в начало печального послания и написала:

«Капитану Кристоферу Фелану

Стрелковая бригада, 1-й батальон

Лагерь второй дивизии, Крым

17 октября 1854 года».

Подняла голову и нежно погладила единственную переднюю лапу любимицы.

– Интересно, как Пруденс бы начала письмо? – подумала она вслух. – Назвала бы милым? Или дорогим? – Мысль заставила поморщиться.

Безупречное владение эпистолярным жанром не относилось к числу неоспоримых достоинств мисс Хатауэй. Невзирая на то что все члены семьи

отличались завидным красноречием, сама она не очень-то доверяла словам, а предпочитала полагаться на интуицию и действие. Короткая совместная прогулка по саду позволяла лучше узнать нового знакомого, чем долгая беседа в гостиной.

После мучительных попыток представить, что можно написать совершенно чужому человеку, выдавая себя за другую, Беатрикс в конце концов сдалась.

– Решено: буду писать, как хочу. Все равно он так устал и соскучился, что даже не заметит, что Пруденс говорит иначе, – сообщила она кошке.

Счастливица положила голову на лапу, прикрыла глаза и замурлыкала.

Беатрикс начала писать.

«Дорогой Кристофер.

Внимательно прочитала сообщения о сражении на Альме. Мистер Рассел из «Таймс» пишет, что вы и еще два бойца Стрелковой бригады встали во главе Голдстримского гвардейского полка и убили нескольких вражеских офицеров, чем внесли панику в ряды противника. Мистер Рассел с восхищением отметил, что стрелки никогда не отступают и даже не склоняют головы при свисте пуль.

В полной мере разделяю высокую оценку, дорогой сэр, но осмелюсь заметить, что, по моему мнению, храбрость ничуть не пострадает, если во время обстрела вы слегка пригнетесь. Полезно было бы также присесть, лечь на землю, метнуться в сторону, а лучше всего – спрятаться за большой камень. Обещаю, что не стану думать о вас хуже!

Альберт еще с вами? И до сих пор он кусается? Моя подруга Беатрикс (та самая, которая таскает на пикники ежей) считает, что собака расстроена и испугана. Поскольку все собаки в душе остаются волками и нуждаются в вожаке, лучший способ успокоить Альберта – продемонстрировать собственную силу и власть. Как только он вновь попытается укусить, положите ладонь на морду, слегка сдавите и твердым голосом несколько раз скажите «нельзя!».

Моя любимая песня – «Далеко за горами». Вчера в Гемпшире шел дождь – по-осеннему мелкий, ветра не было, так что листья почти не опали. Георгины уже отцвели, заморозки побили хризантемы, но воздух наполнен божественными ароматами прелой листвы, мокрой коры и спелых яблок. Замечали ли вы, что каждый месяц обладает собственным неповторимым запахом? Мне больше всего нравится, как пахнут май и октябрь.

Спрашиваете, существует ли на свете тихое местечко? Вынуждена ответить, что это точно не Стоуни-Кросс. Недавно осел мистера Модсли выбрался из хлева, пробежал по дороге изрядное расстояние и каким-то образом сумел пролезть на огороженный луг. Там невинно паслась драгоценная кобыла мистера Кэрда, и коварный соблазнитель не стал терять времени даром. В итоге кобыла понесла, и теперь между хозяевами животных разгорается настоящая война. Мистер Кэрд требует солидной материальной компенсации, а мистер Модсли заявляет, что если бы забор поддерживался в надлежащем порядке, тайное свидание попросту не смогло бы состояться. Больше того, он обвиняет кобылу в непростительном, постыдном легкомыслии и нежелании должным образом охранять собственную добродетель.

Неужели действительно думаете, что заслужили место в аду? Я в ад не верю; во всяком случае, после смерти. По-моему, люди собственными руками создают ад здесь, на земле.

Пишете, что того человека, которого я знала, больше не существует. Единственное, что могу сказать в утешение: как вы ни изменились бы, дома вас всегда встретят с радостью. Спокойно выполняйте долг. Если считаете нужным, спрячьте на время чувства и заприте дверь на замок. Верю, что когда-нибудь мы вместе выпустим их на волю.

Искренне ваша,

Пруденс».

Еще ни разу в жизни Беатрикс никого намеренно не обманывала. И сейчас она с радостью поставила бы в конце страницы собственное имя. Но обидные, пренебрежительные замечания прочно врезались в память. Разве захочет мистер Фелан читать письмо от «странной» Беатрикс Хатауэй? Ведь сам он написал прекрасной златокудрой Пруденс Мерсер и ждал от нее ответа. И все

равно: лучше так, чем никак. На войне человеку дорого каждое доброе слово, ценно любое проявление внимания.

Солдату необходимо знать, что кто-то о нем думает.

Случилось так, что, прочитав письмо Кристофера, Беатрикс поняла, что задумалась всерьез и надолго.

Глава 2

Ближайшее ко дню осеннего равноденствия полнолуние принесло сухую, ясную погоду и позволило арендаторам и работникам поместья Рамзи собрать невиданный урожай. Как и все обитатели Гемпшира, Беатрикс с головой окунулась в хозяйственные заботы и в подготовку традиционного осеннего празднования. На просторной лужайке перед господским домом словно по волшебству выросли столы с щедрым угощением и возникла просторная танцевальная площадка. Всего собралось больше тысячи гостей: арендаторы, слуги, жители окрестных сел и поместий.

К огромному разочарованию Беатрикс, любимая подруга Одри Фелан приехать не смогла, так как Джон простудился и отчаянно раскашлялся. Она осталась дома, чтобы лечить мужа, но прислала записку: «Доктор оставил нам лекарство, которое уже заметно помогло, но предупредил, что для полного выздоровления необходимо лежать в постели».

Ближе к концу ноября Беатрикс решила навестить Одри и отправилась в Фелан-Хаус. Дорога лежала через лес, густо заросший старыми, покореженными долгой жизнью дубами и раскидистыми, уверенными в собственном незыблемом величии буками. Темные ветви деревьев покрылись инеем; казалось, кто-то окунул их в сахарную пудру. Солнце робко пробивалось сквозь пелену облаков, и в янтарных лучах изморозь вспыхивала разноцветными искрами. Теплые полусапожки придавали уверенности, и Беатрикс смело ступала по замерзшей земле, надежно укрытой толстым слоем сухих листьев и теплого, словно овечье одеяло, мха.

Наконец показался большой, увитый плющом особняк – бывший королевский охотничий приют, расположенный в просторном, площадью в десять акров, парке, больше похожем на лес. Мисс Хатауэй ступила на прелестную мощеную дорожку, обогнула дом и направилась к парадной двери.

– Беатрикс.

Обернувшись на негромкий голос, она увидела Одри. Подруга сидела на каменной скамейке в полном одиночестве.

– О, здравствуй! – жизнерадостно приветствовала Беатрикс. – Не видела тебя уже несколько дней, вот и решила… – Она подошла ближе, всмотрелась и, кажется, забыла, что собиралась сказать.

Одри была одета в простое повседневное платье – серая ткань сливалась с осенним лесом за спиной – и сидела так тихо, так неподвижно, что, подходя, Беатрикс ее не заметила.

Они дружили уже три года, с тех самых пор, как Одри вышла замуж за Джона Фелана и приехала в Стоуни-Кросс. Как известно, подруги бывают разными: с одними приятно встречаться, когда в жизни все в порядке – именно такой была Пруденс. Но ведь нередко случается так, что необходимо срочно поделиться сомнениями, тревогами… для подобных случаев существовала Одри.

Беатрикс нахмурилась: от внимательного взгляда не укрылись ни необычная бледность, ни красные глаза и распухший нос.

– Но ты даже шаль не накинула!

– Мне не холодно, – пробормотала Одри, хотя плечи заметно дрожали. Беатрикс сняла теплый шерстяной плащ и попыталась укрыть расстроенную подругу, однако та покачала головой:

– Нет, Беа, не надо!

– Я шла очень быстро, так что согрелась, – заверила Беатрикс и присела на ледяную скамью. Некоторое время обе молчали, однако сомнений не оставалось:

случилось что-то серьезное. Прислушиваясь к гулким ударам собственного сердца, гостья терпеливо ждала объяснений.

– В чем дело? – Она наконец осмелилась прервать молчание. – С капитаном Феланом что-то случилось?

Одри посмотрела отсутствующим взглядом, словно вопрос прозвучал на иностранном языке и понять смысл сказанного удалось с большим трудом.

– Капитан Фелан, – тихо повторила она и едва заметно покачала головой. – Нет, насколько мне известно, у Кристофера все в порядке. Вчера от него пришло несколько писем; одно для Пруденс.

Беатрикс вздохнула с облегчением.

– Если хочешь, я передам, – предложила она, стараясь говорить равнодушно.

– Да, спасибо. Было бы очень хорошо. – Бледные пальцы сложенных на коленях рук как-то странно, судорожно сжимались и разжимались.

Беатрикс мягко, бережно накрыла их ладонью.

– Муж все так же кашляет?

– Доктор недавно ушел. – Одри глубоко вздохнула и с трудом произнесла: – У Джона чахотка.

Беатрикс невольно стиснула руки подруги.

Не замечая пронизывающего ветра, они молча сидели на холодной скамейке. Судьба распорядилась несправедливо, жестоко. Джон Фелан был достойным человеком, всегда готовым первым прийти на помощь каждому, кто попал в беду: оплатил лечение жене одного из арендаторов, когда сумма оказалась супругам не по карману; предоставил собственное фортепиано в пользование окрестным детям, чтобы те могли учиться музыке; выделил средства на восстановление местной пекарни, сгоревшей почти до основания от пожара. Добрые дела Джон совершал тихо, незаметно, словно опасался упреков в

благотворительности. Так почему же страшная болезнь выпала именно на его долю?

– Но это не смертный приговор, – с трудом проговорила Беатрикс. – Некоторым удается выжить.

– Одному из пяти, – тускло отозвалась Одри.

– Твой муж молод и силен. Кто-то же должен оказаться одним из пяти? Вот Джон им и станет.

Одри кивнула, но не произнесла ни слова.

Обе знали, что туберкулез опасен поражением легких, несет слабость, резкую потерю веса, беспомощность и апатию. Но страшнее всего бесконечный изнуряющий кашель, постепенно превращающийся в кровавый и терзающий больного до тех пор, пока тот окончательно не потеряет способность дышать.

– Наш Кэм, муж Амелии, – большой знаток трав и всяческих снадобий, – попыталась вселить надежду Беатрикс. – Его бабушка была главной целительницей табора.

– Цыганское лечение? – В голосе Одри прозвучало откровенное сомнение.

– Надо испробовать все доступные средства, – настаивала Беатрикс. – Пренебрегать цыганским лечением не стоит. Цыгане живут в согласии с природой и оттого знают ее секреты. Немедленно попрошу Кэма приготовить отвар для мистера Фелана…

– Скорее всего Джон откажется принимать неизвестное науке средство, да и свекровь не одобрит. Феланы ужасно консервативны. Они не возьмут ничего, что не приготовлено аптекарем и не налито в пузырек или не явилось из чемоданчика доктора.

– И все-таки непременно принесу снадобье Кэма. Нельзя упускать шанс.

Одри склонила голову на плечо подруги.

– Ты такая добрая, Беа. В ближайшие месяцы без тебя будет трудно.

– Я с тобой, – просто ответила Беатрикс.

Новый порыв ветра заставил поежиться. Одри очнулась и вырвалась из печального оцепенения, встала, вернула плащ.

– Пойдем в гостиную, отдам тебе письмо для Пруденс.

Просторные комнаты с низкими дощатыми потолками встретили уютом и тишиной. Сквозь толстые оконные стекла проникал неяркий зимний свет. Все камины пылали, наполняя воздух живительным теплом. Атмосфера дома Феланов отличалась сдержанностью и вкусом, а солидная старинная мебель создавала впечатление спокойствия и веры в незыблемость установленного порядка.

Расстроенная горничная взяла из рук гостьи плащ.

– А где твоя свекровь? – осведомилась Беатрикс, вслед за подругой направляясь к лестнице.

– Уединилась в своей комнате. Для нее новость особенно тяжела. – Одри помолчала. – Джон всегда оставался маминым любимчиком.

Так же как и все остальные жители Стоуни-Кросс, Беатрикс прекрасно знала об отношениях между матерью и сыновьями. Детей осталось всего двое, хотя родила она пятерых: двое мальчиков умерли в раннем детстве, а девочка не пережила появления на свет. Гордость и честолюбие матери сосредоточились на старшем, Джоне. К сожалению, как часто случается, ни одна женщина на свете не казалась ей достойной великолепного, самого умного и самого красивого на свете сына. За три года замужества Одри пришлось выслушать немало неприятных нотаций, но особенно болезненно воспринимались рассуждения по поводу неспособности невестки родить наследника.

Подруги поднимались по лестнице под пристальными взглядами лиц со старинных портретов в тяжелых золоченых рамах. Большинство изображенных леди и джентльменов принадлежали к аристократической ветви семейства,

носившей фамилию Бичамп. Трудно было не заметить, что из поколения в поколение передавались характерные фамильные черты: тонкий благородный нос, пронзительные сияющие глаза, густые волнистые волосы.

Едва оказавшись наверху, Беатрикс с огорчением услышала приглушенный кашель – болезненные звуки доносились из комнаты, расположенной в дальнем конце коридора.

– Сможешь минутку подождать? – с тревогой спросила Одри. – Зайду к Джону, ему пора принимать лекарство.

– Конечно, подожду. Не спеши.

– Вот комната Кристофера. Здесь он останавливается, когда приезжает. Письмо я положила на комод.

– Сейчас возьму.

Одри направилась к мужу, а Беатрикс опасливо приоткрыла дверь в комнату капитана Фелана, заглянула и осторожно вошла.

Здесь царил полумрак, и она поспешила отдернуть тяжелую штору. На полу, застеленном толстым ковром, появился светлый квадрат. Письмо действительно лежало на комоде. Беатрикс поспешно схватила конверт и хотела сломать печать, но вовремя опомнилась: что ни говори, а послание адресовано не мисс Хатауэй, а Пруденс Мерсер.

Нетерпеливо вздохнув, она спрятала письмо в глубокий карман и остановилась, чтобы рассмотреть аккуратно разложенные на деревянном подносе необходимые в быту мелочи.

Маленькая кисточка для бритья с серебряной ручкой… складная бритва… стаканчик для мыльной пены… фарфоровая шкатулка с серебряной крышкой. Не в силах сдержать любопытство, Беатрикс подняла крышку, заглянула внутрь и увидела три пары запонок – две серебряных и одну золотую, цепочку для часов и медную пуговицу. Закрыла шкатулку, взяла в руки кисточку и осторожно провела по щеке. Прикосновение показалось нежным, шелковистым и принесло

слабый приятный аромат пены для бритья.

Беатрикс поднесла кисточку к носу и глубоко вдохнула пряный мужественный запах… кедр, лаванда, лавровый лист. Она представила, как Кристофер покрывает лицо пеной, а потом смешно кривит рот – точно так же, как это делали ее отец и брат, пытаясь удалить с лица надоевшую щетину.

– Беатрикс?

Мисс Хатауэй с виноватым видом отложила кисточку и вышла в коридор.

– Нашла письмо, – сообщила она. – И раздвинула шторы. Сейчас вернусь, закрою и…

– О, не беспокойся, пожалуйста. Пусть останутся открытыми. Ненавижу темноту. – Одри с усилием улыбнулась. – Джон принял лекарство и задремал. Пожалуй, пока он отдыхает, спущусь и поговорю с кухаркой – распоряжусь подать на ужин белый пудинг.

Подруги вместе пошли вниз по лестнице.

– Спасибо за то, что согласилась передать письмо Пруденс, – поблагодарила Одри.

– Очень мило с твоей стороны помочь им в переписке.

– О, мелочи! Согласилась ради Кристофера. Честно говоря, не ожидала, что Пруденс найдет время ответить.

– Почему же?

– На мой взгляд, она к нему совершенно равнодушна. Перед отъездом я даже предупреждала его об этом, но он был так очарован красотой и веселым нравом, что решил, будто может возникнуть что-нибудь настоящее.

– Мне казалось, Пруденс тебе нравится.

– Так оно и есть. Во всяком случае, глядя на вашу дружбу, пытаюсь себя в этом убедить. – Одри заметила, что Беатрикс смотрит с недоумением, и слегка улыбнулась. – Да-да, стараюсь брать положительный пример.

– Брать пример с меня? О, пожалуйста, не делай этого! Разве ты не заметила, какая я странная?

Улыбка стала светлее, и на миг Одри снова превратилась в ту беззаботную молодую леди, которой была до болезни Джона.

– Ты умеешь принимать людей такими, какие они есть, и относишься точно так же, как к своим животным: терпеливо наблюдаешь и никогда не судишь.

– Но я строго осуждала твоего зятя, – с раскаянием призналась Беатрикс.

– Думаю, если бы твое отношение разделяли и другие, Кристофер давно бы задумался и сделал полезные выводы, – успокоила Одри.

Нераспечатанное письмо едва не прожгло в кармане дырку. Ожидание мучительно затянулось. Беатрикс поспешила домой, оседлала лошадь и помчалась в Мерсер-Хаус – причудливый особняк с башенками, замысловатыми колоннами у парадного входа и разноцветными витражами вместо оконных стекол.

Пруденс недавно проснулась, потому что до трех часов ночи танцевала на балу, а сейчас встретила подругу в украшенном кружевами бархатном халате.

– Как жаль, что ты не пошла на бал! Собралось множество красивых молодых людей, прибыл даже целый кавалерийский эскадрон. Через два дня их отправляют в Крым. Ах, до чего же хороша форма!

– Я только что была у Одри, – слегка запыхавшись, сообщила Беатрикс, входя в маленькую гостиную на втором этаже и старательно закрывая за собой дверь. – Бедный мистер Фелан болеет. Но об этом позже, а сейчас… письмо от капитана Фелана!

Пруденс с улыбкой взяла запечатанный конверт.

– Спасибо, Беа. Так вот, об офицерах, с которыми я вчера познакомилась… один красивый темноволосый лейтенант пригласил меня на танец и…

– Разве ты не хочешь немедленно открыть и прочитать? – Беатрикс с отчаянием заметила, что подруга равнодушно положила письмо на стол.

Пруденс лукаво улыбнулась:

– О, какая спешка! Считаешь, что следует распечатать прямо сейчас?

– Да. – Беатрикс уселась в обитое ярким атласом кресло.

– Но мне не терпится рассказать о лейтенанте.

– А мне совсем не интересно о нем слушать. Хочу узнать, что пишет капитан Фелан.

Пруденс усмехнулась:

– Сказать по правде, в последний раз ты так волновалась в прошлом году, когда выкрала лису, которую лорд Кампдон специально привез из Франции.

– Я вовсе не выкрала эту лису, а спасла. Везти животное из-за границы, чтобы потом на него охотиться…

чрезвычайно неспортивно! – Беатрикс показала на письмо. – Открывай!

Пруденс сломала печать, быстро просмотрела листок и недоуменно пожала плечами.

– Ну вот, теперь он пишет о мулах. – Она закатила глаза и отдала письмо подруге.

«Мисс Пруденс Мерсер

Стоуни-Кросс, Гемпшир, Англия

7 ноября 1854 года

Дорогая Пруденс.

Несмотря на те сообщения, в которых описывается несгибаемая храбрость британских военных, хочу заметить, что когда в нас стреляют, мы непременно пригибаемся как можно ниже и бежим в укрытие. По вашему совету я пополнил репертуар прыжками в сторону и увертками. Должен признаться, результаты превосходные. Все-таки старая басня не совсем верна: случаются в жизни ситуации, когда хочется быть не черепахой, а зайцем.

В сражении под Балаклавой легкая кавалерия получила приказ наступать непосредственно на артиллерийский расчет русских – без разумной на то причины. В итоге пять кавалерийских отрядов оказались под огнем без прикрытия и защиты. За двадцать минут погибли двести всадников и почти четыреста лошадей. Еще более кровопролитная битва произошла у крепости Инкерман.

Когда пришло время собирать раненых, Альберт увязался следом и под пулями и снарядами отважно разыскивал живых, чтобы мы могли унести их в безопасное место. К сожалению, погиб мой лучший друг.

Пожалуйста, поблагодарите Беатрикс за полезный совет. Теперь Альберт кусается значительно реже. На меня он вообще больше не нападает, хотя порой пытается вцепиться в руку кого-нибудь из сослуживцев.

Вы считаете, что май и октябрь наполнены самыми приятными запахами? А мне кажется, что декабрь интереснее: мороз, дымок из труб, в домах ветки вечнозеленых падуба и омелы, запах корицы из кухни. Что касается вашей любимой песни… известно ли вам, что «Далеко за горами» считается официальным гимном Стрелковой бригады?

Почти все, кроме меня, заболели. У меня пока не наблюдается ни симптомов холеры, ни других напастей, скосивших обе дивизии. Уже подумываю, не симулировать ли, приличия ради, желудочную проблему.

По поводу ссоры между хозяевами осла и лошади: глубоко сочувствую мистеру Кэрду и его легкомысленной кобыле, однако хочу заметить, что рождение мула – далеко не самый плохой исход. Мулы значительно крепче лошадей, практически не болеют и, что самое интересное, обладают исключительно выразительными ушами. Принято считать их упрямыми, но на самом деле это не так: если с животным обращаться хорошо, оно будет вести себя вполне мирно и дружелюбно. Пусть особая симпатия к мулам вас не удивляет; в качестве объяснения могу сказать, что в детстве у меня был Гектор, названный так в честь мула из «Илиады».

Не осмеливаюсь попросить ждать моего возвращения, но умоляю написать снова. Ваше письмо зачитал до дыр. Сейчас, на расстоянии двух тысяч миль, вы кажетесь более близкой и прекрасной, чем прежде.

Искренне ваш,

Кристофер.

P.S.

Прилагаю портрет Альберта».

Беатрикс читала, а чувства теснились и переполняли душу: боль, сочувствие, восхищение, умиление…

– Пожалуйста, Пру, позволь снова написать ответ от твоего имени. Еще хотя бы раз. Обещаю, что, прежде чем отправить, непременно покажу.

Пруденс рассмеялась.

– Право, ничего глупее и придумать невозможно! Впрочем, почему бы и нет? Пиши, если нравится.

Следующие полчаса Беатрикс старательно поддерживала бессмысленный разговор о вчерашнем бале, кавалерах и последних сплетнях из Лондона. Между делом опустила письмо Фелана в карман и… замерла, нащупав какой-то странный предмет. Металлическая ручка, шелковистые волоски… внезапно побледнев, поняла, что кисточка для бритья не вернулась на место, на деревянный поднос, а скользнула в карман.

Давняя проблема снова напомнила о себе.

Несмотря на бурю в душе, Беатрикс продолжала улыбаться и спокойно разговаривать с подругой, хотя внешняя невозмутимость давалась нелегко.

Дело в том, что тревога и волнение у Беатрикс нередко заканчивались мелкой кражей; да, в магазине или в чужом доме она порой тайком совала в карман какую-нибудь вещицу. Чаще всего Беатрикс и сама не замечала, что делает, но иногда потребность украсть становилась столь острой и непреодолимой, что бедняжка покрывалась потом и дрожала до тех пор, пока не уступала пагубному позыву.

Как правило, украсть маленькую штучку труда не составляло, а вот вернуть украденное на место оказывалось ой как непросто! К счастью, с помощью родственников постыдное недоразумение неизменно удавалось исправить. Случалось, правда, что ради восстановления порядка приходилось прибегать к крайним мерам: например, наносить визиты в неположенное время дня и изобретать невероятные предлоги, чтобы получить возможность покинуть гостиную и проникнуть в нужную комнату. Подобные фокусы лишь укрепляли мнение о Хатауэях как об эксцентричных, непредсказуемых чудаках.

Хорошо еще, что возвращение кисточки не требовало хитроумных уловок: ничто не мешало в следующий раз положить ее на место, на деревянный поднос.

– Пожалуй, пора одеваться, – наконец произнесла Пруденс.

Беатрикс поняла тонкий намек и немедленно встала.

– Да, конечно. А мне давно пора вернуться домой и заняться делами. – Она улыбнулась и непринужденно добавила: – В том числе и написать письмо.

– Только не пиши, пожалуйста, глупостей. Позаботься о моей репутации.

Глава 3

«Капитану Кристоферу Фелану

Стрелковая бригада, 1-й батальон

Лагерь Хоум-Ридж, Инкерман, Крым

3 декабря 1854 года

Дорогой Кристофер.

Утром прочитала в газете, что в последнем бою погибло больше двух тысяч наших солдат. Одного из офицеров Стрелковой бригады проткнули штыком. Ведь это не вас, правда? Вы не ранены? Я так волнуюсь. А еще глубоко сожалею о гибели вашего друга.

Мы уже начинаем украшать дом к Рождеству, развешиваем ветки падуба и омелы. Вкладываю в письмо рождественскую открытку, нарисованную местным художником. Обратите внимание на ленточку внизу: если потянуть, веселые джентльмены слева начнут поднимать бокалы.

Люблю старинные, знакомые с детства рождественские гимны. Люблю постоянство: каждое Рождество похоже на предыдущее. Люблю есть сливовый пудинг, хотя в другое время сливовый пудинг терпеть не могу. В обычаях присутствует особая магия, правда?

Альберт на редкость симпатичен. Внешне, конечно, не слишком похож на благородного джентльмена, но зато верен и отважен.

Очень боюсь, что с вами что-нибудь случится. Надеюсь, все в порядке. Каждый вечер зажигаю свечку – за вас.

Ответьте как можно скорее.

Искренне ваша,

Пруденс.

P.S.

Разделяю вашу симпатию к мулам. Очень скромные, непритязательные существа и никогда не хвастаются безупречной родословной. В этом смысле некоторым людям было бы неплохо кое-что у них перенять».

«Мисс Пруденс Мерсер

Стоуни-Кросс, Гемпшир

1 февраля 1855 года

Милая Пру.

Боюсь, что штыком проткнули именно меня. Как вы догадались? Это случилось, когда мы карабкались на гору, чтобы захватить русскую батарею. Впрочем, рана на плече несерьезная и не стоит обсуждения.

Четырнадцатого ноября начался жестокий шторм. Сорвал палатки и даже потопил в бухте французские и британские корабли. Снова погибли люди. Пропали запасы провизии, патронов и прочего. Полагаю, весь этот нелепый хаос попадает под определение «стремительной кампании». Мучает голод. Сегодня ночью снилась еда. Обычно снитесь вы, но, к стыду своему, должен признаться, что на сей раз ваш образ затмила баранья отбивная с мятным соусом.

Жутко холодно. Теперь спим в обнимку с Альбертом. Конечно, вместе не очень удобно, но оба готовы терпеть лишения, чтобы не замерзнуть насмерть. Альберт стал незаменимым товарищем: под обстрелом носит сообщения и бегает быстрее любого посыльного. К тому же неподкупный часовой и надежный разведчик.

Вот несколько полезных уроков, которые я вынес из нашего с ним тесного общения:

1. Любая пища может считаться честной игрой до тех пор, пока ее не проглотит кто-нибудь другой.

2. Спать необходимо при каждой удобной возможности.

3. Незачем лаять без острой необходимости.

4. Иногда приходится ловить собственный хвост.

Надеюсь, что Рождество в Стоуни-Кросс прошло великолепно. Спасибо за открытку; она пришла двадцать четвертого декабря и была с восторгом встречена всей нашей компанией. Многие увидели рождественскую открытку впервые. К тому времени как она вернулась ко мне, джентльмены успели поднять бокалы сотни раз, не меньше.

Как здоровье кобылы мистера Кэрда? Принесла ли она потомство? Пожалуй, надо будет попросить брата купить жеребенка. Хороший мул в хозяйстве всегда пригодится».

«Дорогой Кристофер.

Посылать письма по почте так прозаично! Если бы можно было найти более интересный способ, с удовольствием привязала бы маленький свиток к лапке птицы или отправила бы послание в бутылке. К сожалению, требования надежности и безопасности вынуждают пользоваться услугами королевской почты.

Только что прочитала в новом номере «Таймс» о ваших очередных подвигах. Зачем же так рисковать? Будни военного сами по себе трудны и полны лишений. Умоляю, позаботьтесь о безопасности – если не ради себя, то хотя бы ради меня. Прошу из чистого эгоизма… даже страшно представить, что переписка может оборваться».

«Я так далеко, Пру. Кажется, что стою за гранью собственной жизни и смотрю на события со стороны. Среди жестокости и боли научился ценить простые человеческие радости: возможность приласкать собаку, прочитать письмо, посмотреть в ночное небо. Сегодня, кажется, увидел созвездие под названием «Арго» – в честь корабля, на котором Ясон с товарищами плавал за золотым руном. Дело в том, что на самом деле «Арго» можно увидеть только в Австралии, и все же я почти уверен, что сумел рассмотреть краешек.

Умоляю забыть все, что писал раньше; хочу, чтобы вы меня дождались. Прошу: не выходите замуж ни за кого, кроме меня.

Пожалуйста, дождитесь».

«Дорогой Кристофер.

Вот чем пахнет март: дождем, землей, перьями, мятой. Я каждый день, утром и днем, пью чай из свежей мяты с медом. В последнее время очень много хожу. На свежем воздухе лучше думается.

Прошлая ночь выдалась на редкость ясной, и я долго смотрела в небо, пытаясь отыскать Арго. К сожалению, я очень плохо разбираюсь в созвездиях: никогда не нахожу ничего, кроме Ориона и его пояса. Но чем дольше я смотрела, тем больше небо напоминало океан, и наконец удалось увидеть целый флот звездных кораблей. Некоторые стояли на якоре возле луны, другие отправились в плавание. Представила, что мы плывем по лунному свету на одном из сказочных парусников.

Честно говоря, океан меня пугает: слишком велик, огромен, необъятен и страшен. Лес вокруг Стоуни-Кросс гораздо уютнее: там всегда интересно, и на

каждом шагу встречаются самые обычные чудеса. Паутина сверкает после дождя, из стволов поваленных бурей дубов растут новые деревья. Хочется показать вам всю эту красоту, вместе послушать, как шелестит листвой ветер. Нет ничего лучше музыки деревьев!

Пока пишу, по привычке вытянула ноги к камину, но не заметила, что огонь подобрался слишком близко к краю. Оказалось, что подпалила чулки. А однажды зазевалась, и они задымились. Пришлось долго топать ногами, чтобы потушить. Но даже после этого случая привычка побеждает осторожность, так что меня можно найти даже с завязанными глазами: просто идите на запах горелых чулок.

Вкладываю перышко малиновки: нашла сегодня утром, во время прогулки. Это на счастье. Храните в кармане.

Внезапно появилось какое-то странное чувство: показалось, что вы стоите в комнате, совсем близко. Наверное, перо превратилось в волшебную палочку, и я вас вызвала. Если очень захотеть…»

«Дорогая Пруденс.

Ношу перо в кармане. Как вы узнали, что в битве необходим талисман? Последние две недели сижу в окопе и без конца перестреливаюсь с русскими. Кавалерия уже вышла из боя, теперь вся надежда на стрелковое оружие и артиллерию. Альберт постоянно рядом; отлучается лишь для того, чтобы доставить записки в соседние окопы, вдоль линии укреплений.

В тихие минуты пытаюсь представить, что нахожусь не здесь, а в каком-нибудь другом месте. Вижу, как вы вытягиваете ноги к огню, чувствую свежее от мятного чая дыхание. Мечтаю, как гуляю рядом с вами по лесу возле Стоуни-Кросс. Хотелось бы увидеть те чудеса, которые вы называете самыми обычными, но боюсь, что без вашей подсказки ничего не замечу. Да, мне крайне необходима ваша помощь, Пру. Наверное, только вы сможете вернуть меня в мир.

Такое чувство, что воспоминаний о вас больше, чем есть на самом деле. Мы так мало виделись. Танец. Разговор. Поцелуй. Если бы удалось воскресить

мимолетные счастливые мгновения! Теперь я бы оценил их по-настоящему. И все остальное тоже оценил бы по-настоящему. Ночью снова видел вас во сне. Лица не рассмотрел, но чувствовал, что вы рядом и шепчете какие-то ласковые слова.

Когда обнимал вас в последний раз, понятия не имел, какая вы на самом деле. Да и себя самого тоже не знал. Прежде мы не заглядывали друг другу в душу. Наверное, хорошо, что так получилось – если бы довелось почувствовать вас так, как чувствую сейчас, ни за что не смог бы уехать.

Хочу честно признаться, за что воюю. Не за Англию, не за союзников, не ради патриотических убеждений. Вперед ведет лишь надежда на встречу с вами».

«Дорогой Кристофер.

Вы научили меня понимать, что слова – самое важное, что существует на свете. А сейчас особенно. Как только Одри отдала последнее письмо, я сразу побежала в свой тайный домик, чтобы прочитать в уединении.

Я ведь еще не рассказывала… весной, во время одной из дальних прогулок, обнаружила в лесу престранное сооружение: одинокую башенку из кирпича и камня, сплошь заросшую плющом и мхом. Стоит она в укромном уголке поместья Стоуни-Кросс и, как и само поместье, принадлежит лорду Уестклифу. Когда я рассказала о находке леди Уестклиф, та ответила, что в давние времена тайные убежища были обычным делом. Возможно, хозяин использовал домик для встреч с любовницей. А однажды далекий предок спасся там от насилия кровожадных слуг. Леди Уестклиф разрешила приходить, когда захочется, потому что хижина давным-давно заброшена. Я часто там бываю. Это мое любимое место – уединенное, уютное и надежное. А с этой минуты оно стало и вашим тоже.

Я только что зажгла свечу и поставила на окно. Крошечная путеводная звездочка поможет вам найти дорогу домой».

«Милая Пруденс.

Среди шума, толкотни и безумия пытаюсь представить вас в тайном домике… мою прекрасную принцессу в башне. И путеводную звезду в окне.

На войне приходится делать всякое. Надеялся, что со временем станет легче. Жаль, что так и случилось. Опасаюсь за свою душу. Столько дурного успел натворить, и столько еще впереди, Пру. Если не надеяться на прощение свыше, то как же можно просить прощения у вас?..»

«Дорогой Кристофер.

Любовь прощает все на свете, незачем даже просить.

После того как вы написали о созвездии Арго, я начала с интересом читать о звездах. В нашем доме множество книг по астрономии, поскольку этой наукой увлеченно занимался отец. Аристотель писал, что звезды состоят из иной материи, отличной от четырех земных элементов. Он называл эту материю квинтэссенцией и считал, что из нее же созданы человеческие души. Из этого следует, что дух находится в родстве со звездами. Возможно, эта точка зрения не слишком научна, однако мне нравится верить, что в каждом из нас присутствует капелька звездного света.

Мысли о вас давно превратились в мое личное созвездие. Как бы далеко вы ни находились, милый друг, все равно не окажетесь дальше этих неподвижных звезд в душе».

«Дорогая Пру.

Готовимся к долгой осаде. Трудно сказать, когда удастся написать в следующий раз. Это не последнее письмо, просто придется немного подождать. Не сомневайтесь: когда-нибудь я непременно к вам вернусь.

До тех пор, пока не смогу заключить вас в объятия, эти истрепанные, обветшалые листочки останутся единственным способом общения. Как бледно, робко слова передают любовь! Слова никогда не смогут стать достойными вас,

не смогут отразить все, что вы для меня значите.

И все же… я люблю вас. Клянусь светом звезд: не покину землю до той минуты, пока не произнесу эти слова, глядя вам в лицо».

В лесной чаще, сидя на толстом стволе поваленного дуба, Беатрикс перечитывала письмо снова и снова. Она даже не заметила, что плачет, и лишь прохладный ветерок на мокрых щеках подсказал вытереть слезы и взять себя в руки.

Он написал тридцатого июня, даже не подозревая, что в тот самый день написала и она. Разве это случайное совпадение? Нет, знак свыше!

Столь глубокую тоску, такое бездонное ощущение потери она испытывала только после смерти родителей. Сейчас горе, конечно, было иным, но несло уже знакомую безнадежную пустоту.

Что же она наделала?

Беатрикс Хатауэй, которая шагала по жизни с безупречной честностью, совершила грубый, непростительный обман. Ужасно, но правда лишь окончательно испортит положение. Если Кристофер Фелан обнаружит, что она писала под чужим именем, презрению не будет конца. А если ничего не узнает, она так и останется для него странной девушкой, место которой в конюшне, а не в гостиной. И больше ничего.

«Не сомневайтесь: когда-нибудь я непременно к вам вернусь».

Эти слова относились только к Беатрикс, хотя и адресованы были Пруденс.

– Люблю тебя, – прошептала она, и слезы потекли ручьем.

Как и когда закралось в душу непрошеное чувство? Боже милостивый, она же едва помнила, как выглядит Кристофер Фелан, и все же сердце разрывалось от любви. Хуже всего то, что его признания скорее всего рождены трудностями войны. Человек, способный раскрыть душу в удивительных письмах и покорить сердце искренностью, мог бесследно исчезнуть через несколько дней после

возвращения домой.

Фальшивая ситуация не сулила ничего хорошего. Оставалось одно: положить решительный конец обману. Невозможно продолжать притворство и выдавать себя за Пруденс. Нечестно по отношению к обоим, а особенно по отношению к Кристоферу.

Беатрикс медленно побрела домой. Едва войдя в Рамзи-Хаус, встретила Амелию – та вела на прогулку маленького сына Рая.

– А-а, вот и ты! – радостно воскликнула сестра. – Не хочешь ли пойти вместе с нами в конюшню? Рай собирается покататься на своем пони.

– Нет, спасибо. – Улыбка далась с трудом, да и выглядела неестественно, словно приколотая к лицу булавками. Каждый из членов большой семьи стремился включить младшую сестру в собственную жизнь. В этом отношении все проявляли необыкновенную щедрость. И все-таки Беатрикс чувствовала себя безнадежно одинокой, заброшенной, никому не нужной, словно старая незамужняя тетушка. А еще – эксцентричной, чудной и плохо приспособленной к жизни, подобно тем животным, которых собирала и выхаживала.

Мысли внезапно метнулись в сторону, напоминая о джентльменах, встреченных на танцах, ужинах и званых вечерах. Она никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. Что, если пришла пора поощрить кого-нибудь из претендентов? Просто выбрать достойного кандидата и разрубить узел? Может быть, собственная жизнь оправдает и скрасит брак с нелюбимым человеком?

Нет, скорее всего возникнет новая форма несчастья.

Пальцы нащупали в кармане письмо Кристофера Фелана. Прикосновение к плотной гладкой бумаге отозвалось в глубине существа горячей, томительной волной.

– В последнее время ты как-то подозрительно тиха. – Голубые глаза Амелии опасно сосредоточились на лице. – Выглядишь так, словно только что плакала. Что-то тебя тревожит, дорогая?

Беатрикс неловко пожала плечами:

– Расстраиваюсь из-за болезни мистера Фелана. Одри говорит, что ему стало хуже.

– О! – Амелия сочувственно покачала головой. – Чем же помочь? Может быть, собрать корзинку? Сливовый бренди, бланманже… отнесешь?

– Конечно. Непременно схожу после ленча.

Поднявшись в свою комнату, Беатрикс села за стол и достала письмо. Надо написать в последний раз – что-нибудь отвлеченное, прощальное, способное поставить точку. Это гораздо лучше, чем продолжать обман.

Она аккуратно сняла с чернильницы колпачок, опустила перо и на мгновение задумалась.

«Дорогой Кристофер.

Как бы ни ценила я вашу дружбу, было бы опрометчивой поспешностью делать скороспелые выводы, пока вы так далеко. Искренне желаю удачи, здоровья и благополучия, но полагаю, что упоминание о чувствах лучше отложить до вашего возвращения. Больше того, было бы разумно вообще прекратить переписку…»

С каждым новым предложением пальцы слушались все хуже. Несмотря на усилия, перо норовило выскочить, а скопившиеся в глазах слезы угрожали наставить клякс.

– Что за ерунда! – сердито воскликнула Беатрикс.

Строчки давались с болью. Горло сжалось так, что стало трудно дышать.

Она решила, что, прежде чем закончить мучительное, полное притворства послание, надо написать то короткое письмо, которое действительно хотелось

отправить, и тут же его уничтожить.

Тяжело дыша, Беатрикс достала новый листок и торопливо нацарапала несколько строчек – только для себя, в надежде облегчить сжавшую сердце боль.

«Дорогой Кристофер.

Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Слезы мешали смотреть. Она отложила второй лист и вернулась к первому, чтобы старательно выразить наилучшие пожелания и надежду на скорое и безопасное возвращение.

Поспешно скомкала признание в любви и сунула в ящик. Настанет время, и она торжественно его сожжет и проследит, чтобы каждое слово превратилось в пепел.

Глава 4

После ленча, как и обещала, Беатрикс отправилась к Феланам. В руке она держала тяжелую корзинку, вместившую бутылку бренди, бланманже, головку мягкого белого сыра и небольшой домашний кекс – сухой, без глазури и почти не сладкий. В данном случае факт подношения казался важнее конкретных составляющих подарка.

Амелия пыталась убедить сестру доехать в экипаже или повозке, так как нести полную корзинку было очень неудобно, однако Беатрикс решила, что пешая прогулка поможет успокоить разыгравшиеся нервы. Хотелось написать Кристоферу об ароматах июня: жимолость, свежее сено, выстиранное белье на веревке.

Да, корзинка действительно весила немало, и к дому Феланов Беатрикс пришла с изрядно оттянутыми и затекшими руками.

Увитый плющом старинный особняк напоминал доброго дедушку, заботливо укутанного в теплое пальто. Беатрикс с волнением подошла к парадной двери и постучала. Торжественного вида дворецкий немедленно освободил ее от груза и проводил в гостиную.

После быстрой ходьбы комната показалась душной и тесной, а в повседневном платье и массивных полусапожках недолго было сгореть от жары.

Скоро появилась Одри – худая, уставшая, растрепанная. Сразу бросились в глаза бурые пятна на переднике.

Кровь.

Заметив озабоченный взгляд подруги, миссис Фелан бледно улыбнулась:

– Как видишь, не готова принимать посетителей. Но ты одна из немногих, при ком не обязательно поддерживать безупречный внешний вид. – Она вспомнила о переднике, поспешно сняла и сложила. – Спасибо за корзинку. Я уже велела дворецкому налить бокал сливового бренди и отнести леди Фелан. Она давно не встает с постели.

– Тоже заболела? – испуганно уточнила Беатрикс, как только Одри села рядом.

Та покачала головой:

– Убита горем.

– А… твой муж?

– Умирает, – просто ответила Одри. – Обратного пути уже нет. Доктора сказали, что осталось несколько дней.

Беатрикс хотела взять ее за руку, пожалеть, как жалела своих питомцев, однако Одри сморщилась и подняла ладони, словно хотела защититься.

– Нет-нет, не прикасайся. Я могу рассыпаться, а нужно оставаться сильной и поддерживать Джона. Лучше давай немного поговорим; в моем распоряжении всего несколько минут.

Беатрикс послушно сложила руки на коленях.

– Позволь чем-нибудь помочь, – тихо попросила она. Давай я посижу с мистером Феланом, а ты отдохнешь хотя бы часок.

Одри снова слабо улыбнулась:

– Спасибо, милая, не могу никого к нему пустить. Это мое место.

– А что, если подняться к леди Фелан?

Одри потерла глаза.

– Ты добра, как всегда. И все же не стоит, вряд ли ей сейчас нужна компания. – Она вздохнула. – Кажется, свекровь с радостью умерла бы, лишь бы не оставаться без сына.

– Но ведь у нее есть еще один.

– Кристофера она не любит. Вся материнская нежность досталась Джону.

Беатрикс задумчиво посмотрела на большие напольные часы с маятником: они громко, неодобрительно тикали и, казалось, недоверчиво качали головой.

– Этого не может быть, – наконец произнесла она.

– Тем не менее это так, – с грустной улыбкой возразила Одри. – Некоторые люди наделены бесконечным запасом любви – например, вся ваша семья. А у других ресурсы ограничены. Любовь леди Фелан закончилась: чувств хватило только на мужа и Джона. – Она устало пожала плечами. – Но сейчас совсем не важно, любит ли свекровь Кристофера или нет. Теперь уже ничто не имеет значения.

Беатрикс опустила руку в карман и достала письмо.

– Это для капитана Фелана, – пояснила она. – От Пруденс.

С непроницаемым выражением лица Одри взяла конверт.

– Спасибо. Отправлю вместе с сообщением о состоянии Джона. Бедный Кристофер… он так далеко.

Беатрикс задумалась, не лучше ли забрать письмо обратно. Сейчас не время говорить о расставании. Но с другой стороны, может быть, в тени огромной утраты маленькая боль пройдет незамеченной?

Одри внимательно посмотрела на подругу.

– Ты собираешься ему сказать? – негромко спросила она.

Беатрикс с подозрением прищурилась.

– О чем?

Вопрос был встречен раздраженным вздохом.

– Я не дурочка, Беа. Пруденс сейчас в Лондоне, занята балами, приемами и прочими светскими глупостями. Она никак не могла написать это письмо.

Беатрикс почувствовала, что неудержимо краснеет, а потом так же неудержимо бледнеет.

– Она отдала письмо перед отъездом.

– Как свидетельство преданности Кристоферу? – Одри презрительно усмехнулась. – Видишь ли, во время нашей последней встречи мисс Мерсер даже не удосужилась спросить о давнем знакомом. И с какой стати, интересно, письма всегда передаешь ты? – Она бросила на подругу нежный и в то же время насмешливый взгляд. – Судя по тому, что Кристофер пишет нам с Джоном, он по уши влюбился в Пруденс – благодаря ее необыкновенным посланиям. И если в итоге эта пустоголовая кокетка окажется моей родственницей, виновата будешь ты!

Подбородок Беатрикс задрожал, а глаза предательски заблестели. Одри крепко сжала безвольную руку.

– Зная тебя, невозможно сомневаться в благих намерениях. Вот только слабо верится, что результат окажется положительным. – Она печально вздохнула. – Прости, мне необходимо вернуться к Джону.

Направляясь в холл, Беатрикс внезапно подумала, что пройдет еще несколько дней и подруге придется пережить смерть любимого мужа.

– Одри, – неуверенно окликнула она. – Как бы мне хотелось принять хотя бы часть твоей боли!

Миссис Фелан остановилась и обернулась, не в силах сдержать чувств.

– Спасибо. Мало кто способен искренне разделить горечь потери.

Через два дня в Рамзи-Хаус пришло известие о кончине Джона. Мистер Фелан умер ночью. Исполненное сочувствия семейство пыталось решить, как лучше помочь осиротевшим женщинам. По правилам хозяину дома следовало нанести визит и предложить свои услуги, однако Лео в это время находился в Лондоне, на внеочередном заседании парламента. Бурные дебаты разгорелись относительно некомпетентности и равнодушия, в результате которых британские войска в Крыму скверно снабжались и не получали должной поддержки.

В результате было решено, что к Феланам отправится Меррипен, муж Уин. Никто не надеялся, что его примут, поскольку мать и вдова вряд ли могли найти силы для разговоров, пусть и сочувственных. Но главная миссия посланника заключалась в доставке письма с выражением соболезнования и предложением любой необходимой помощи.

– Меррипен, – неуверенно обратилась Беатрикс, – можно попросить тебя передать Одри искреннее сочувствие и спросить, не требуется ли мое участие в организации похорон? А может быть, ей будет легче, если кто-нибудь просто посидит рядом?

– Разумеется, – с готовностью согласился Меррипен. Темные глаза светились состраданием. Зять вырос в семье Хатауэев, и все считали его братом. – А почему бы тебе не написать записку? Я передам слугам.

– Одну минуту. – Беатрикс бросилась к лестнице, подхватила подол длинной широкой юбки, взлетела на второй этаж и скрылась в своей комнате.

Подошла к столу, достала бумагу, перо и потянулась к чернильнице, однако рука замерла в воздухе: взгляд упал на смятое письмо в ящике.

То самое вежливое прощальное послание, над которым она так старательно трудилась.

Оказывается, оно так и не было отправлено.

Колени ослабли, ноги отказывались держать.

– О Боже! – выдохнула Беатрикс и без сил упала на ближайшее кресло, которое опасно покачнулось.

Случилось так, что к Одри по ошибке попало тайное, неподписанное письмо – то самое, которое начиналось словами: «Я больше не могу вам писать. Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете».

Объятое паникой сердце билось тяжело и неровно. Мисс Хатауэй попыталась упорядочить разбегавшиеся мысли. Что, если письмо еще не отправлено? Может

быть, еще не поздно его забрать? Надо пойти к Одри и попросить…

Нет, беспокоить в такое время было бы непростительным эгоизмом. Подруга только что потеряла мужа, и стыдно отвлекать ее по пустякам.

Слишком поздно. Придется оставить все так, как есть, и позволить Кристоферу Фелану самому делать выводы из странной записки.

«Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Беатрикс со стоном склонилась и безвольно уронила голову. Покрытый потом лоб прилип к полированному дереву. Счастливица решила, что хозяйка приглашает приласкаться, запрыгнула на стол, уткнулась мордочкой в волосы и замурлыкала.

«Прошу тебя, милостивый Боже, – мысленно взмолилась Беатрикс, – не позволяй Кристоферу отвечать. Пусть история закончится. Не дай ему узнать, что писала я».

Глава 5

Скутари, Крым

– Сдается мне, что госпиталь – не самое подходящее место для человека, твердо решившего выздороветь, – задумчиво произнес Кристофер, бережно поднося к губам раненого чашку с бульоном.

Молодой солдат, парнишка лед девятнадцати-двадцати, издал звук, отдаленно напоминающий смех. Засмеяться по-настоящему он не мог, поскольку рот оказался занят.

Кристофера привезли в полевой госпиталь в Скутари три дня назад, после ранения при штурме Большого редута во время бесконечной осады Севастополя.

Меткий стрелок капитан Фелан сопровождал саперов, которые несли лестницу к бункеру русских, когда внезапно раздался взрыв и осколки снаряда попали в правый бок и в ногу.

Превращенные в госпиталь казармы едва вмещали раненых, а что еще хуже, кишели крысами и прочей нечистью. Единственным источником воды служил фонтан, возле которого постоянно стояла очередь из санитаров: тонкая вонючая струйка медленно наполняла ведра. Для питья сомнительная жидкость не годилась, и использовали ее исключительно для мытья и отмачивания повязок.

Капитан Фелан подкупил молодого санитара, и тот принес стакан бренди. Нет, не для того, чтобы залпом осушить и забыться: Кристофер промыл алкоголем раны, чтобы они не воспалились. От жестокой боли сознание отключилось, и капитан свалился с кровати. Происшествие вызвало дружное веселье многочисленных зрителей. Шуткам не было конца. Впрочем, Кристофер добродушно терпел поддразнивания, потому что понимал: в убогом, полном боли и страданий месте дорога каждая светлая минута.

Доктор извлек осколки из бока и из ноги, однако раны затягивались скверно. Наутро кожа по краям покраснела и припухла. Перспектива заболеть всерьез и застрять надолго в жутком полевом госпитале вселяла ужас.

Днем раньше, несмотря на яростные протесты многочисленных товарищей по огромной палате, санитары начали зашивать безнадежного пациента в пропитанное кровью одеяло прежде, чем тот скончался. В ответ на сердитые крики они равнодушно заявили, что солдат все равно без сознания, от смерти его отделяют считанные минуты, а кровать остро необходима следующему больному. Да, так оно и было на самом деле, но Кристофер, один из немногих раненых, способных покинуть постель, решительно заявил, что готов сидеть возле умирающего до тех пор, пока тот не испустит последний вздох. Час он провел на холодном каменном полу, отгонял назойливых насекомых и на здоровой ноге держал голову незнакомого воина.

– Думаете, ему от этого стало легче? – не скрывая иронии, спросил один из санитаров, когда несчастный наконец отдал Богу душу и капитан позволил его забрать.

– Нет, не ему, – тихо ответил Кристофер. – Всем остальным. – Он кивнул в сторону ровных рядов походных коек, с каждой из которых смотрели встревоженные, испуганные глаза. Страдальцы хотели верить, что, если придет смертный час, с ними обойдутся по-человечески.

Молодой солдат на соседней койке оказался совершенно беспомощным: в недавнем бою он потерял одну руку целиком и кисть второй. Сиделок отчаянно не хватало, и Кристофер взял на себя обязанность кормить товарища. С трудом опустившись на колени, он поднял голову раненого и заботливо поднес к губам чашку с бульоном.

– Капитан Фелан, – раздался скрипучий голос одной из сестер милосердия. Сдержанное поведение и суровое выражение лица монашки вызывали бесконечные ироничные комментарии (разумеется, за ее спиной). Было решено, что если эту особу допустить на поле сражения, то уже через пару часов русские сдадутся окончательно. При виде стоящего на коленях пациента строгая сиделка нахмурилась; кустистые брови возмущенно сдвинулись к переносице.

– Снова нарушаете режим? Немедленно вернитесь на свое место! И впредь не смейте вставать, если не хотите получить осложнения и остаться у нас надолго.

С виноватым видом Кристофер послушно вернулся на постель.

Монахиня подошла и положила на лоб прохладную ладонь.

– Так я и знала. Жар, – констатировала она. – Не смейте двигаться, капитан, иначе придется вас привязать. – Ладонь исчезла, а на груди появился какой-то посторонний предмет.

Кристофер приоткрыл глаза и увидел пакет с письмами.

Пруденс.

Жадно схватил долгожданную почту и торопливо сломал печать.

В пакете оказалось два конверта.

Он дождался, пока сестра уйдет, и открыл тот, адрес на котором был написан знакомым – нет, теперь уже родным почерком. Одного взгляда на стремительно летящие буквы оказалось достаточно, чтобы в душе началось смятение. Он мечтал о далекой возлюбленной, нетерпеливо и страстно, со всем пылом молодости жаждал встречи.

Да, случилось так, что любовь настигла за морями и горами, на другом конце земли. И не важно, что объект пламенных воздыханий оставался едва знакомым; воспаленное воображение с легкостью восполнило пробелы.

Кристофер развернул листок и увидел всего несколько строчек.

Слова как-то странно перемешались, словно в детской игре. Он вчитывался до тех пор, пока смысл торопливого признания не прояснился.

«Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Губы беззвучно повторили дорогое имя. Рука с письмом потянулась к беспокойно бьющемуся сердцу.

Что же случилось с Пруденс?

Странно короткая, импульсивная записка отозвалась вихрем сомнений, вопросов, догадок.

«Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете», – мысленно повторял Кристофер.

Конечно, она другая. Да и сам он другой – вовсе не слабый, немощный больной с воспаленными ранами и высокой температурой. А она – не та пустая кокетка, за которую ее принимают все вокруг. Письма помогли открыть новые черты, новую глубину.

«Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Когда Кристофер открывал второе письмо, руки с трудом повиновались. Лихорадка неумолимо брала свое. Голова начала болеть… в висках отчаянно стучало… письмо Одри пришлось читать, продираясь сквозь туман.

«Дорогой Кристофер.

Не могу подобрать щадящих, осторожных слов. Состояние Джона ухудшается. Смерть он встречает с благородным терпением, сдержанностью и мудростью. Все эти качества твой брат постоянно проявлял всю свою жизнь. Надежды не осталось: к тому времени как получишь письмо, его с нами уже не будет…»

Читать дальше Кристофер не мог, сознание отказывалось служить. Потом, все потом: еще будет время и вернуться к горьким строкам, и оплакать утрату.

Джон не должен болеть. Его обязанность – благополучно жить в Стоуни-Кросс и дарить Одри детей. Место старшего из братьев там, куда предстоит вернуться младшему.

Кристофер с трудом повернулся на бок и натянул на голову одеяло. Вокруг раненые солдаты продолжали коротать время. Каждый занимался своим делом: кто-то разговаривал, кто-то играл в карты, кто-то спал.

Словно сговорившись, товарищи по несчастью милосердно не обращали на капитана внимания, как будто понимали, что в трагические минуты человеку больше всего на свете необходимо уединение.

Глава 6

С тех пор как Беатрикс по ошибке отправила капитану Фелану любовное письмо, прошло десять месяцев, но ответа так и не последовало. Кристофер переписывался с Одри, но та глубоко погрузилась в траур и не находила сил для общения даже с лучшей подругой.

И все-таки кое-что Одри сообщила: капитан был ранен и лежал в госпитале, однако, к счастью, выздоровел и вернулся в строй. Внимательно изучая газеты в надежде обнаружить упоминание о любимом, Беатрикс то и дело встречала сообщения о его новых подвигах. За время длительных военных действий и многомесячной осады Севастополя Фелан стал абсолютным чемпионом в Стрелковой бригаде по количеству полученных наград. Помимо британского ордена Бани, он получил медаль Крымской кампании с отдельными планками за Альму, Инкерман, Балаклаву и Севастополь, звание рыцаря французского Почетного Легиона и даже турецкое почетное звание Меджидие.

Тем временем дружба между мисс Хатауэй и мисс Мерсер, к сожалению, заметно охладела. Отношения разладились после того, как Беатрикс заявила, что больше не может продолжать переписку.

– Но почему же? – встревожилась Пруденс. – Мне казалось, ты делала это с удовольствием.

– Надоело, – коротко пояснила Беатрикс, с трудом сдерживая слезы.

Приятельница с сомнением покачала головой:

– Никогда не поверю, что ты способна ни с того ни с сего бросить человека. Что он подумает, когда письма перестанут приходить?

Справедливый вопрос отозвался острым чувством вины и щемящим ощущением пустоты. Беатрикс с удивлением услышала собственный голос:

– Не могу больше писать, не открыв правду. История приобретает слишком личный характер… на пути встали чувства. Понимаешь, о чем я?

– Единственное, что можно понять, – это твой эгоизм. Ты устроила так, что я не могу написать ни строчки: разница будет заметна во всем, начиная с почерка. Хочешь не хочешь, а отныне ты обязана держать капитана на крючке до его возвращения для меня.

– Но зачем он тебе? – нахмурилась Беатрикс. Выражение «держать на крючке» ей очень не понравилось:

можно подумать, Кристофер – мертвая рыба, одна из многих пойманных. – Кавалеров у тебя и так вполне достаточно.

– Не жалуюсь. Но капитан Фелан внезапно превратился в знаменитость, стал героем войны. Не исключено, что после возвращения его пригласит на обед сама королева. К тому же после смерти брата богатое поместье Ривертон перейдет в его полное распоряжение. Сама понимаешь, добыча щедрая, ничем не хуже пэра.

Прежде примитивность рассуждений Пруденс забавляла, однако сейчас возобладало раздражение. Кристофер заслуживал лучшей доли, чем столь мелочный и поверхностный интерес.

– А ты не допускаешь, что на войне человек может измениться? – Беатрикс заставила себя говорить спокойно.

– Конечно, его могут ранить, но хочется надеяться на лучшее.

– Я имела в виду изменения в характере.

– Из-за того, что пришлось участвовать в сражениях? – Пруденс пожала плечами. – Полагаю, определенное влияние возможно.

– А ты газеты читала?

– Не читала, потому что в последнее время была очень занята! – обиженно отрезала Пруденс.

– Капитан Фелан получил даже турецкую награду за спасение раненого офицера-турка. А еще через несколько недель он пробрался в разбитый склад боеприпасов, где погибли десять французских солдат и пять пушек были выведены из строя. Он привел в действие уцелевшую пушку и в течение восьми часов удерживал позицию в одиночку. В другом случае…

– Вовсе не обязательно так подробно обо всем рассказывать. – Пруденс нетерпеливо взмахнула рукой. – О чем ты, Беа?

– О том, что капитан может вернуться совсем не таким, каким уехал. Если судьба друга хоть немного тебя интересует, стоит дать себе труд представить, что он пережил и какие испытания перенес. – Она протянула небольшой пакет, аккуратно перевязанный голубой ленточкой. – Первым делом необходимо прочитать вот это. Теперь понимаю, что следовало копировать все, что писала сама, чтобы ты смогла понять, о чем идет речь. Извини, раньше не догадалась.

Пруденс неохотно взяла письма Кристофера.

– Что ж, очень хорошо, постараюсь прочитать. Уверена, однако, что, вернувшись на родину, Кристофер не захочет говорить о каких-то письмах – ведь я буду рядом.

– Хотя бы попробуй лучше его узнать, – грустно посоветовала Беатрикс. – По-моему, тебя привлекает совсем не то, что действительно ценно. Человек заслуживает внимания. И даже не потому, что проявил небывалую храбрость в боях и получил множество наград… это, наверное, самая малая часть достоинств.

Беатрикс замолчала, потому что с печальной ясностью осознала: отныне придется избегать людей и проводить больше времени с друзьями-животными.

– Капитан Фелан написал, что, когда вы с ним встречались, вы ни разу не попытались заглянуть в глубину.

– В глубину чего?

Да, пожалуй, требовать глубины от Пруденс было бы опрометчиво.

– Он считает, что ты – его единственный шанс вернуться в мирную жизнь.

Во взгляде подруги читалось откровенное раздражение.

– Да, судя по всему, переписка действительно зашла неоправданно далеко; пока не поздно, лучше умерить пыл. Излишнее усердие пользы не приносит. Надеюсь, ты не вбила себе в голову, что Кристофер когда-нибудь… – Она тактично замолчала. – Впрочем, не важно.

– Понимаю, что ты собиралась сказать, – спокойно заметила Беатрикс. – Не беспокойся, я не питаю на этот счет никаких иллюзий. Прекрасно помню, как любезно капитан сравнил меня с лошадью.

– Неправда, с лошадью он тебя не сравнивал, – возразила Пруденс. – Просто сказал, что твое место в конюшне. Как бы там ни было, Кристофер – светский человек и не сможет обрести счастье с той, которая постоянно бродит по лесу и возится с животными.

– С животными интереснее, чем с людьми, – обиженно парировала Беатрикс и тут же пожалела о нетактичном замечании, тем более что Пруденс восприняла слова как личное оскорбление. – Прости, я вовсе не хотела…

– Думаю, тебе пора домой. Возвращайся к своим любимцам, – произнесла Пруденс ледяным тоном. – Очевидно, с теми, кто не способен ответить, беседа пройдет удачнее.

Расстроенная и униженная, Беатрикс направилась к выходу, однако бывшая подруга успела напоследок сделать еще более досадное замечание:

– Только обещай, ради нашего общего блага, что ты ни словом не обмолвишься о том, что письма писала ты. Признаваться бессмысленно. Даже узнав правду, он не захочет ни твоей дружбы, ни, тем более, любви. Единственное, чего ты добьешься, – это презрение и жалость. Гордый офицер никогда не простит обмана.

После такого откровенного разговора молодые леди встречались только мимоходом, а капитан Фелан не получил ни одного письма.

Беатрикс мучительно переживала неизвестность. Как дела у Кристофера? С ним ли Альберт? Правильно ли затянулись раны? Увы, отныне она не имела права знать ответы на жизненно важные вопросы.

Да и раньше тоже.

* * *

К ликованию всей Англии, Севастополь пал в сентябре 1855 года, а в феврале следующего, 1856-го, начались мирные переговоры в Париже. Муж Амелии Кэм Роуэн грустно заметил, что, хотя Британия (вместе с союзниками) выиграла войну, эта пиррова победа не могла оправдать потерь, как не могла вернуть жизнь погибшим и здоровье изувеченным. Трудно было не согласиться с цыганской мудростью. На поле битвы и в госпиталях скончались более ста пятидесяти тысяч солдат союзной армии и больше ста тысяч русских.

Когда наконец поступил долгожданный приказ о возвращении домой, Одри и леди Фелан узнали, что Стрелковая бригада прибудет в Дувр в середине апреля и сразу направится в Лондон. Стрелков ожидали с огромным нетерпением, а Кристофера считали настоящим национальным героем. Вырезанные из газет портреты бесстрашного воина украшали витрины магазинов, а его боевые подвиги служили главной темой разговоров в кофейнях и тавернах. Отдельные деревни и целые графства сочиняли ему пышные, восторженные приветственные письма, а политики поспешили заказать целых три церемониальных шпаги с украшенными драгоценными камнями эфесами и именем героя на ножнах. Оружие предназначалось в качестве благодарственного подарка.

Однако в радостный день высадки стрелков в Дувре капитана Фелана на торжестве таинственным образом не оказалось. Восторженная толпа на набережной приветствовала бригаду и требовала немедленного появления непревзойденного снайпера, но Кристофер предпочел уклониться от славословий, церемоний и банкетов… всеобщий любимец даже не появился на торжественном обеде, который давали королева и принц-консорт.

– Интересно, что же могло случиться с нашим героем? – забеспокоилась Амелия, когда на третий день он все еще продолжал отсутствовать. – Насколько помнится, он всегда отличался общительностью и стремился оказаться в центре

внимания.

– Красноречивым отсутствием мистер Фелан привлекает к собственной персоне еще больше внимания, – заметил Кэм.

– Должно быть, его тяготит вся эта шумиха, – не удержалась от комментария Беатрикс. – Скорее всего где-нибудь спрятался и затаился.

Кэм с улыбкой поднял черные брови.

– Как лиса?

– Да. Лисы очень хитры. Порой делают вид, что убегают прочь от цели, но потом все равно возвращаются и добиваются своего. – Беатрикс подошла к окну и посмотрела на лес, утомленный неприветливой, запоздалой весной… слишком много восточного ветра, слишком много дождей. – Скорее всего капитан Фелан мечтает вернуться домой, но выжидает, пока собаки потеряют след. – Она замолчала и больше не произнесла ни слова, хотя Амелия и Кэм продолжали беседу. Должно быть, воображение болезненно разыгралось: почему-то не покидало странное чувство, что Кристофер где-то близко.

– Беатрикс! – Сестра тоже подошла к окну и ласково обняла ее за плечи. – Тебе грустно, дорогая? Может быть, стоит поехать в Лондон и провести светский сезон в столице, вместе с Пруденс? Ничто не мешает пожить у Лео с Кэтрин или остановиться в отеле у Поппи и Гарри…

– Не нахожу в лондонских гостиных ничего интересного, – отозвалась Беатрикс. – Провела в столице целых четыре сезона, и три из них оказались совершенно напрасными.

– Почему же? Ты имела шумный успех, джентльмены тебя обожали. Не исключено, что в этом году появится кто-нибудь новый и интересный.

Беатрикс печально вздохнула.

– В Лондоне никогда не бывает никого нового, а тем более интересного.

– Верно, – согласилась Амелия после недолгого размышления. – И все же уверена: в городе тебе будет лучше, чем здесь, в деревне. Вокруг такая тишина…

В эту минуту в комнату ворвался маленький темноволосый мальчик верхом на игрушечной лошадке. С воинственным кличем, отчаянно размахивая деревянным мечом, четырехлетний воин промчался по гостиной и случайно задел торшер с синим стеклянным абажуром. Молниеносным броском Кэм спас лампу от неминуемой гибели.

Рай обернулся, увидел отца на полу и со смехом прыгнул сверху. Завязалась борьба. Улучив момент, Кэм повернулся к жене, чтобы сообщить:

– Как видишь, тихо здесь далеко не всегда.

– Я соскучился по Джаду, – пожаловался Рай. – Когда он вернется?

Меррипен и Уин (сестра Беатрикс и Амелии) вместе с сыном Джейсоном, по-домашнему – Джадом, месяц назад отправились в Ирландию, в поместье, которое зятю предстояло унаследовать. Очень пожилой родственник тяжело заболел, и Меррипен согласился задержаться на неопределенное время, чтобы войти в курс дела и познакомиться с арендаторами.

– Вернется не очень скоро, – с сожалением ответил Кэм. – Возможно, не раньше Рождества.

– Так долго ждать, – грустно вздохнул Рай.

– Но у тебя есть и другие кузены, дорогой, – успокоила сына Амелия.

– Они все в Лондоне.

– Эдвард и Эммалайн обязательно приедут на лето. А пока можно поиграть с маленьким братиком.

– Но Алекс ничего не умеет! – возмущенно воскликнул мальчик. – Не разговаривает, даже мячик не может кинуть. Да еще и постоянно протекает.

– С обоих концов, – добавил Кэм и с улыбкой посмотрел на жену янтарными глазами.

Амелия с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться.

– Но не вечно же он будет протекать.

Гордо восседая на груди отца, Рай взглянул на Беатрикс.

– Поиграешь со мной, тетя?

– С удовольствием. Во что? В шарики? В бирюльки?

– В войну, – решительно заявил племянник. – Я буду нашей кавалерией, а ты будешь русскими, и я буду гоняться за тобой вдоль забора.

– А что, если представить в лицах Парижские мирные переговоры?

– Но мирных переговоров без войны не бывает, – авторитетно заметил маленький философ. – Если сначала не сражаться, то о чем же тогда договариваться?

Беатрикс улыбнулась сестре.

– Чрезвычайно логично.

Рай подскочил, схватил тетушку за руку и потащил в сад.

– Пойдем, пойдем, – приговаривал он. – Обещаю не размахивать мечом, как в прошлый раз.

– Не бегайте в лес, – предостерег вслед Кэм. – Один из арендаторов рассказал, что утром из ореховой рощи выскочила бродячая собака и с лаем набросилась. Он опасается бешенства.

Беатрикс остановилась и обернулась.

– Какая собака?

– Дворняжка, очень похожая на терьера. Арендатор уверяет, что пес украл у него курицу.

– Не волнуйся, папа, – уверенно успокоил малыш. – С Беатрикс можно не бояться. Ее все звери любят, даже бешеные.

Глава 7

После часа беготни вдоль живой изгороди и по дорожкам сада Беатрикс отвела племянника домой: настало время дневных занятий.

– Не люблю уроки, – пожаловался Рай, когда через французское окно друзья возвращались в гостиную. – Хочу играть.

– Но ты же сам знаешь, что заниматься математикой необходимо.

– Почему необходимо? Я уже и так умею считать до ста. Уверен, что больше никогда и не понадобится.

Беатрикс улыбнулась:

– Тогда займись чтением. Сможешь прочитать множество увлекательных историй – например, об удивительных приключениях.

– Но если все время читать о приключениях, то когда же в них участвовать?

Беатрикс со смехом покачала головой:

– С тобой лучше не спорить! Ты хитрый, как целая тележка обезьянок.

Мальчик в три прыжка одолел ступеньки и обернулся.

– А ты идешь, тетя?

– Пока нет, – рассеянно ответила Беатрикс, не в силах отвести взгляд от леса. – Пожалуй, немного прогуляюсь.

– Может быть, мне пойти с тобой?

– Спасибо, Рай, но сейчас хочется побыть одной.

– Наверное, собираешься искать собаку? – прозорливо предположил молодой человек.

Беатрикс кивнула:

– Не исключено.

Рай посмотрел неожиданно серьезно.

– Тетя!

– Да, милый?

– А ты когда-нибудь выйдешь замуж?

– Надеюсь. Но сначала надо найти своего человека.

– Если никто на тебе не женится, тогда я женюсь, когда вырасту. Но только если буду выше тебя: не хочу смотреть снизу вверх.

– Благодарю! – торжественно произнесла Беатрикс и поспешила отвернуться, чтобы спрятать улыбку.

Дорога к лесу сюрпризов не обещала: мисс Хатауэй ходила по ней уже сотни раз. Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев и освещало давно знакомый пейзаж.

Кора скрывалась под слоем бледно-зеленого мха; исключение составляли лишь небольшие темные островки, где древесина превратилась в пыль. Мягкую землю устилали прошлогодние листья и уже опавшие с орешника молодые сережки, сквозь которые пробивались ростки папоротника. Звуки тоже казались родными: птичье пение, шелест листвы, шорох миллионов крошечных живых существ.

Лес выглядел прежним, и все же вскоре родилось новое ощущение: настороженности, предчувствия незнакомого, инстинктивного напоминания о бдительности. В воздухе повисло смутное обещание… чего-то. С каждым шагом напряжение нарастало. Сердце вело себя странно, а кровь возбужденно пульсировала не только в запястьях, но и в горле, и даже в коленях.

Впереди мелькнуло живое существо: тень проскользнула низко, у основания деревьев, примяв папоротник-орляк. Нет, это не человек.

Беатрикс подняла с земли ветку и ловко укоротила до размеров трости.

Существо остановилось, и лес погрузился в тишину.

– Немедленно иди сюда! – строго приказала Беатрикс.

Пес послушно продрался сквозь густой подлесок и вышел на поляну. Внешне он очень напоминал терьера, остановился в нескольких ярдах, зарычал и оскалил длинные белые зубы.

Беатрикс стояла неподвижно и спокойно рассматривала пришельца. Худой, с жесткой короткой шерстью, смешными бакенбардами на мордочке, забавными кисточками на ушах и выразительными карими глазами, круглыми, словно монетки.

Трудно было не узнать характерный облик: она уже видела его прежде – на лаконичном, но выразительном рисунке.

– Альберт? – удивленно спросила Беатрикс.

Уши тут же дернулись и навострились. Пес что-то пробормотал, сердито и растерянно признавая справедливость догадки.

– Значит, он привез тебя с собой, – растроганно произнесла Беатрикс и отбросила палку. В глазах стояли слезы, но она негромко рассмеялась. – Как хорошо, что ты уцелел на войне! Иди же скорее сюда, Альберт, давай познакомимся. Будешь со мной дружить?

Она стояла неподвижно, выжидая, когда собака осторожно приблизится. Альберт обнюхал юбку, медленно обошел кругом. В следующий миг в ладонь уткнулся холодный влажный нос. Беатрикс не шевелилась, даже не погладила по голове – просто стояла, позволяя умному созданию привыкнуть к своему запаху. Наконец напряжение спало, мышцы расслабились, и пасть слегка приоткрылась. Знакомство прошло успешно. Настало время показать, кто здесь главный.

– Сядь, Альберт! – властно приказала Беатрикс.

Пес послушно выполнил команду, поднял голову и тихонько заскулил. Теперь уже ничто не мешало приласкать, почесать за ушами, потрепать по голове. Альберт возбужденно задышал и даже прикрыл глаза от удовольствия.

– Значит, убежал от хозяина, озорник? – спросила Беатрикс, приглаживая жесткую шерсть на спине. – Ах, проказник. Соскучился по охоте на кроликов и белок? А ведь уже ходят слухи о пропавших курах. Лучше держись подальше от дворов, а то в Стоуни-Кросс любопытства не понимают и не любят. Может быть, отвести тебя домой, парень? Наверное, мистер Фелан уже беспокоится и разыскивает. Он…

Послышался шорох. Кто-то пробирался сквозь чащу. Альберт обернулся и с радостным лаем бросился к подходившему человеку.

Беатрикс не спешила поднимать голову – прежде попыталась успокоить дыхание и безумное биение сердца. Пес тем временем вернулся к новой знакомой и, радостно высунув язык, оглянулся на хозяина, словно говоря: «Смотри, кого я нашел!»

Наконец, медленно выдохнув и собравшись с силами, мисс Хатауэй осмелилась посмотреть на человека, который остановился примерно в трех ярдах от нее.

Кристофер.

Мир мгновенно замер.

Она попыталась сравнить героя сражений с прежним светским повесой. Нет, остаться прежним он никак не мог. Теперь это уже не сошедший с Олимпа молодой бог, а закаленный в боях воин.

Лицо загорело и приобрело золотисто-медный оттенок, как будто солнце насквозь пропитало кожу. Русые волосы коротко подстрижены. Взгляд бесстрастный, неподвижный и в то же время таящий глубоко запрятанную боль.

Каким печальным он выглядел и каким одиноким!

Захотелось подбежать, прикоснуться, обнять. Разве можно в такой миг неподвижно устоять на месте?

Беатрикс с трудом узнала собственный дрожащий голос:

– Добро пожаловать домой, капитан Фелан.

Кристофер смотрел молча, явно не узнавая. Ах, эти глаза пронзали душу… лед и пламя.

– Я – Беатрикс Хатауэй, – представилась она. – Моя семья…

– Да, прекрасно вас помню.

Низкий бархатный голос ласкал слух. Взволнованная и растерянная, Беатрикс смотрела в непроницаемое лицо.

Для Кристофера Фелана она оставалась незнакомкой, и все же память о письмах незримо присутствовала между ними, хотя капитан этого и не сознавал.

Беатрикс погладила Альберта.

– Вас не было в Лондоне, – прервала она затянувшееся молчание. – А там в вашу честь стоял такой шум!

– Не чувствовал себя готовым к столь серьезным испытаниям.

Несколько слов выразили и отношение, и состояние души. Разумеется, он не был готов к торжествам. Контраст оказался бы слишком болезненным: после пропитанных кровью жестоких военных будней – парады, фанфары и цветы.

– Трудно представить, что здравомыслящий человек способен вынести эту безмерную суету, – согласилась Беатрикс. – Настоящее сумасшествие. Ваши портреты выставлены во всех витринах, и даже вещи называют в вашу честь.

– Вещи? – настороженно переспросил капитан.

– Да. Появился новый фасон шляпы: «фелан».

Темные брови сошлись у переносицы.

– Не может быть.

– Еще как может! С закругленным верхом и узкими полями, серого или черного цвета. Даже в Стоуни-Кросс уже продается.

Кристофер что-то невнятно проворчал себе под нос.

Беатрикс почесала Альберта за ухом.

– Пруденс рассказывала о замечательной собаке. Хорошо, что вы привезли ее с собой.

– Ничего хорошего, – сухо возразил Кристофер. – Как только в Дувре сошли на берег, Альберт словно с ума сошел. До сих пор пытается кусаться, даже набросился на одного из слуг, постоянно лает. На ночь пришлось запереть разбойника в сарае, так он каким-то чудом умудрился сбежать.

– Это от страха, – пояснила Беатрикс. – Думает, что если будет так себя вести, никто его не обидит. – Альберт встал на задние лапы, а передние дружески положил на юбку, словно хотел обнять. Беатрикс выставила колено, чтобы пес

смог опереться.

– Сюда, – тихо позвал Кристофер. В голосе прозвучала откровенная угроза, и по спине Беатрикс пробежал холодок. Собака прижала хвост и послушно вернулась к хозяину. Капитан достал из кармана поводок и надежно закрепил вокруг лохматой шеи. Оценивающе посмотрел на случайную собеседницу: взгляд скользнул с грязных пятен от лап на платье к изящной линии груди.

– Прошу прощения, – произнес он коротко и недовольно.

– Ничего страшного, меня этим не испугаешь. Но надо как можно быстрее отучить его прыгать на людей.

– Альберт жил среди солдат и понятия не имеет о приличном обществе.

– Ничего, скоро привыкнет. Уверена, как только освоится в новой обстановке, станет прекрасной собакой. – Беатрикс на миг задумалась, а потом предложила: – Могу позаниматься, когда в следующий раз приду навестить Одри. Собаки меня любят и слушаются.

Взгляд сурового воина потеплел.

– Совсем забыл, что вы дружны с моей невесткой.

– Да. – Беатрикс смущенно замолчала. – Следовало раньше сказать, что я глубоко сочувствую вашему горю…

Предупреждающим жестом капитан поднял ладонь. А когда рука наконец опустилась, пальцы нервно сжались в кулак.

Беатрикс все поняла. Боль утраты еще не успела притупиться, и территория оставалась запретной.

– Должно быть, вы лишь недавно в полной мере осознали потерю, правда? – осторожно осведомилась она. – До возвращения в Стоуни-Кросс смерть брата, наверное, не казалась реальностью.

Неприязненный взгляд заставил ее замолчать.

Подобное выражение встречалось в глазах пойманных животных: в нем читалась беспомощная враждебность по отношению к каждому, кто осмелится подойти ближе. Беатрикс научилась уважать настороженность страха и поняла, что дикие существа особенно опасны в минуты беспомощности. Сейчас она сосредоточилась на собаке и принялась гладить густую жесткую шерсть.

– Как поживает Пруденс? – В вопросе прозвучала откровенная тоска.

– Думаю, хорошо. Она проводит в Лондоне светский сезон. – Беатрикс на миг задумалась и добавила: – Мы по-прежнему дружим, но уже не так близки, как раньше.

– Почему же?

Взгляд заметно оживился. Не стоило труда заметить, что любое напоминание о Пруденс пользовалось повышенным вниманием.

«Из-за вас», – мысленно ответила Беатрикс и слабо улыбнулась.

– Судя по всему, у нас разные интересы, – произнесла она вслух, а про себя добавила: «Меня интересуете вы, а ее – состояние, которое вы унаследовали».

– Да уж, вы с мисс Мерсер сделаны из разного теста.

В замечании послышалась откровенная ирония. Беатрикс склонила голову и взглянула с любопытством.

– Не поняла, о чем вы.

Кристофер пожал плечами:

– Всего лишь хотел сказать, что Пруденс такая же, как все остальные, а вы… нет. – Если он и пытался скрыть снисходительное отношение, то получилось у него не слишком успешно.

Сочувствие и нежность растаяли как дым. Беатрикс поняла, что капитан Фелан не изменился в одном: он по-прежнему плохо к ней относится.

– Чего я не хотела бы, так это быть такой, как все: скучной и примитивной.

Собеседник воспринял реплику как упрек Пруденс.

– По сравнению с теми, кто приносит на пикники садовых вредителей? Вот уж точно: никто не посмеет назвать вас скучной, мисс Хатауэй.

Беатрикс похолодела. Откровенное пренебрежение вынести нелегко.

– Можете оскорблять меня, – заявила она, удивляясь, что все еще в состоянии говорить, – но моего ежика оставьте в покое.

Повернулась и быстро зашагала прочь. Альберт жалобно заскулил и собрался бежать следом, так что Кристоферу пришлось силой заставить его сидеть на месте.

Беатрикс ни разу не оглянулась. Хотелось уйти как можно дальше. Нелепо любить человека, который не отвечает взаимностью, но значительно опаснее влюбиться в того, кто тебя откровенно презирает.

Забавно, но почему-то очень захотелось написать «своему» Кристоферу о том неучтивом незнакомце, с которым только что встретилась.

Написала бы она следующее: «Он разговаривал, не скрывая враждебности, обошелся со мной так, словно я не достойна ни капли уважения. Определенно считает меня дикой и не совсем нормальной. Ну а хуже всего то, что, видимо, так оно и есть».

Наверное, именно поэтому общение с животными давалось ей легче, чем общение с людьми. Животные не лгали, не предавали, не изменяли. Они не противоречили сами себе и потому не вселяли ложной надежды на возможность перемен.

* * *

Кристофер неторопливо возвращался домой, и Альберт мирно трусил рядом. По какой-то неведомой причине встреча с мисс Хатауэй подействовала на пса благотворно. В ответ на осуждающий взгляд хозяина он лишь широко улыбнулся и высунул язык.

– Идиот, – пробурчал капитан, не вполне уверенный, к кому относится неодобрительная характеристика: к собаке или к самому себе. Чувство вины не давало покоя. Что и говорить, он вел себя как последний дурак. Беатрикс проявила дружелюбие и похвальную вежливость, а он ответил холодной снисходительностью.

Нет, оскорблять ее он вовсе не хотел и не собирался. Дело в том, что окончательно замучила тоска по Пруденс, по чудесному искреннему голосу, который спас его от неминуемого сумасшествия. Каждое слово ее писем до сих пор звучало в душе.

«В последнее время очень много хожу. На свежем воздухе лучше думается…»

Отправляясь на поиски Альберта, Кристофер никак не мог избавиться от навязчивого предчувствия: казалось, любимая где-то рядом, совсем близко, и судьба сведет их просто и быстро.

Но вместо той очаровательной молодой леди, о которой он так отчаянно мечтал, к которой стремился всей душой, на пути неожиданно возникла Беатрикс.

Не то чтобы она произвела неблагоприятное впечатление. Мисс Хатауэй, конечно, несколько странновата, но весьма забавна и вовсе не так некрасива, как ему казалось прежде. Ну а если говорить честно, то за время его отсутствия она превратилась в настоящую красавицу: подростковая угловатость бесследно исчезла, уступив место грациозной стройности.

Кристофер нетерпеливо покачал головой, пытаясь изменить направление мыслей, однако образ Беатрикс Хатауэй не отступал. Прелестное овальное личико, соблазнительно пухлые губы и невероятно синие глаза – настолько глубокие, что в лучах солнца кажутся фиолетовыми. Шелковистые темные волосы причудливо заколоты, хотя непослушные пряди стремятся вырваться на

свободу.

Да, он слишком давно не знал женщины. Возможно, еще и поэтому стал грубым, как дьявол. Одиночество, горе, боль и гнев тоже сделали свое дело. Неудовлетворенные потребности осаждали, и он понятия не имел, что с собой делать. Однако встреча с Пруденс оказалась бы отличным началом новой жизни.

Решено: он отдохнет дома несколько дней, а когда почувствует, что немного пришел в себя, отправится в Лондон, к мисс Мерсер. На фронте, к сожалению, былое красноречие бесследно испарилось. Кристофер и сам чувствовал, что в тех ситуациях, где прежде вел себя свободно, раскованно и неотразимо, сейчас оставался зажатым и до тупости бессловесным.

Одна из проблем заключалась в бессоннице: да, он разучился нормально спать. Малейший шум – скрип половицы, треск ветки за окном – заставлял вздрогнуть и с сердечным трепетом проснуться. Да и днем происходило то же самое. Вчера Одри несла из библиотеки стопку книг, и одна случайно выскользнула. Кристофер машинально потянулся к оружию, а обнаружив на привычном месте пустоту, запоздало вспомнил, что война закончилась. Пистолет давно стал подобием третьей руки, и даже сейчас постоянно ощущалось его призрачное присутствие.

Кристофер замедлил шаг, а потом и вообще остановился и присел, чтобы заглянуть Альберту в глаза и приласкать верного друга.

– Ну что, старина, трудно забыть войну? – не то спросил, не то признался он. Альберт задышал возбужденно, прижался и попытался лизнуть хозяина в лицо. – Бедняжка, не понимаешь, что происходит, да? По-твоему, в любой момент снова могут засвистеть пули и начать взрываться снаряды.

Альберт шлепнулся на спину и подставил живот, умоляя почесать. Кристофер порадовал приятеля и встал.

– Пойдем домой, – позвал он. – Обещаю снова впустить в дом, только не вздумай кого-нибудь укусить.

К сожалению, едва вернувшись в увитый плющом особняк, боевой товарищ тут же впал в прежнее враждебное ко всем и ко всему состояние. Хозяин, однако, остался верен принятому решению и повел пса в маленькую гостиную, где пили чай мать и невестка.

Альберт забыл о подобающем поведении и принялся лаять неприлично громко. Облаял обеих дам, после чего переключился на испуганную горничную, а с нее – на муху на стене и чайник на столе.

– Молчать! – сурово приказал Кристофер сквозь стиснутые зубы, подтащил обезумевшее животное к дивану и привязал к ножке. – Сидеть, Альберт. Спокойно.

Одри изобразила фальшиво-сладкую улыбку и, словно пародируя светские манеры, предложила:

– Чашечку чаю?

– Благодарю, с удовольствием, – сухо отозвался Фелан и сел за стол.

Лицо матушки превратилось в каменную маску, а голос прозвучал подобием скрипучего колеса.

– Собака оставляет на ковре грязь. Тебе действительно необходимо навязывать нам общество этого невоспитанного существа?

– Да, мама, абсолютно необходимо. Альберт должен привыкнуть к новой обстановке.

– А вот я ни за что не смогу к нему привыкнуть, – сердито возразила леди Фелан. – Понятно, что во время войны собака тебе помогала. Но сейчас в ней нет ни малейшей надобности.

– Сахар? Молоко? – предложила Одри и перевела со свекрови на деверя серьезный, без тени улыбки взгляд.

– Только сахар. – Кристофер наблюдал, как изящно она управляется с крошечными щипчиками и кладет в чашку несколько мелко наколотых кусочков. Он принял чай и попытался сосредоточиться на горячем душистом напитке. Ничего не получилось: снова напал предосудительный, неприличный гнев. Частые приступы несоразмерной, необузданной злости грозили стать еще одной серьезной проблемой.

Когда наконец удалось успокоиться настолько, что мысли вновь обрели власть над словами, он заговорил:

– Альберт не просто помогал. Когда приходилось неделями сидеть в грязном окопе, он оставался дежурить, а мне позволял поспать, не опасаясь внезапного нападения. Он носил записки вдоль линии укреплений, чтобы не случалось ошибок в выполнении приказов, подавал сигнал тревоги задолго до того, как наши глаза и уши успевали заметить опасность. – Кристофер замолчал и посмотрел в напряженное, недовольное лицо матери. – Я в прямом смысле в долгу перед ним: обязан жизнью. К тому же, каким бы невоспитанным и грубым ни казался мой верный друг, я его люблю. – Он благодарно взглянул на Альберта, и пес радостно застучал хвостом по полу.

Одри смотрела с сомнением, а леди Фелан не скрывала недовольства.

Кристофер молча допил чай. Больно было видеть, насколько изменились близкие – похудели, побледнели. Волосы матери из темных стали белыми. Долгая болезнь Джона измучила обеих, а смерть и почти год глубокого траура окончательно сломили волю к жизни.

Не впервые пришла мысль о том, что традиции заставляют людей оставаться в одиночестве и замыкаться в себе в тяжелое время, когда общение и новые впечатления оказались бы не просто полезными, а поистине спасительными.

Поставив полупустую чашку, леди Фелан попыталась подняться и выйти из-за стола, и сын немедленно вскочил, чтобы помочь.

– Не могу пить чай, когда этот зверь на меня смотрит, – заявила она. – Так и кажется, что сейчас бросится и вцепится в горло.

– Не бойтесь, мама, он привязан, – успокоила Одри.

– Не важно. Это дикое создание, и я его ненавижу. – Подняв голову, с выражением глубочайшего презрения свекровь царственно покинула комнату.

Освободившись от необходимости соблюдать правила этикета, Одри поставила локоть на стол и положила подбородок на руку.

– Твои дядя и тетя пригласили матушку погостить в Хартфордшире, и я уговариваю ее согласиться. Смена обстановки пойдет на пользу.

– В доме невыносимо темно, – заметил Кристофер. – Почему закрыты ставни и задернуты шторы?

– От света у нее болят глаза.

– Что за нелепость! – Кристофер нахмурился. – Непременно надо ехать; она слишком долго сидит в этом склепе. И ты, кстати, тоже.

Одри вздохнула.

– Уже почти год. Скоро можно будет отказаться от глубокого траура и перейти в полутраур.

– И что же означает этот ваш полутраур? – уточнил Кристофер. Таинственные женские ритуалы оставались для него загадкой.

– Он означает, что можно будет снять вуаль, – печально поведала Одри, – а еще вместо черных платьев разрешается носить серые и цвета лаванды. Допускаются даже украшения, только не блестящие. Можно посещать некоторые из светских раутов, хотя строжайше запрещено выказывать интерес к происходящим событиям.

Кристофер презрительно фыркнул.

– И кто же придумывает все эти глупости?

– Понятия не имею. Но, видит Бог, соблюдать правила надо неукоснительно, чтобы не вызвать общественного гнева. – Одри помолчала. – Впрочем, матушка отказывается от полутраура и собирается до конца своих дней оставаться в черном.

Кристофер кивнул. Сообщение нисколько его не удивило. После смерти старшего из сыновей преданность матери к нему лишь укрепилась.

– Она смотрит на меня так, будто глубоко сожалеет, что умер не я, – заметил он.

Одри собралась возразить, однако передумала.

– Трудно винить тебя в том, что вернулся с войны живым, – тихо произнесла она после долгой паузы. – Я искренне рада, что ты здесь, и верю, что в глубине души мама тоже рада. Но тяжелый год лишил ее душевного равновесия. Порой кажется, что слова вырываются помимо ее воли и сознания. Я надеюсь, жизнь вдали от Гемпшира пойдет ей на пользу. – Она пожала плечами. – Да и я тоже собираюсь уехать. Хочу навестить родственников в Лондоне, тем более что нам с тобой не пристало оставаться в доме без присмотра.

– Если хочешь, через несколько дней поедем в Лондон вместе. Я как раз планирую встретиться с Пруденс Мерсер.

Одри нахмурилась.

– О!

Кристофер взглянул вопросительно.

– Кажется, твое мнение о молодой леди не изменилось.

– Как раз изменилось, причем в худшую сторону.

Замечание показалось несправедливым и обидным.

– Почему?

– За два последних года мисс Мерсер заслужила репутацию бесстыдной кокетки. Всем известно ее твердое намерение выйти замуж за богатого человека, желательно пэра королевства. Надеюсь, ты не питаешь иллюзий относительно ее поведения в твое отсутствие.

– Во всяком случае, не жду, что все это время она носила власяницу.

– И правильно: ничего подобного Пруденс не делала. Больше того, судя по всему, она даже не вспоминала о твоем существовании. – Одри помолчала, а потом с горечью добавила: – Впрочем, вскоре после кончины Джона, когда ты стал новым владельцем Ривертона, интерес к твоей персоне значительно оживился.

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Кристофер глубоко задумался: все услышанное плохо сочеталось с образом, возникшим при чтении восхитительных писем. Должно быть, мисс Мерсер пала жертвой завистливых сплетниц; красота и очарование лишь подтверждали справедливость предположения.

Вступать в спор с невесткой не хотелось. Надеясь отвлечь внимание от опасной темы, Кристофер заговорил о недавнем впечатлении:

– Сегодня во время прогулки встретил одну из твоих подруг.

– Кого?

– Мисс Хатауэй.

– Беатрикс? – Одри заметно оживилась. – Надеюсь, ты вел себя вежливо?

– Не особенно, – признался Кристофер.

– И что же ты ей наговорил?

Кристофер пожал плечами.

– Оскорбил ее ежика, – мрачно пробормотал он.

Известие вызвало открытую неприязнь.

– О Господи! – Одри принялась с таким остервенением размешивать чай, что едва не разбила ложечкой тонкую фарфоровую чашку. – Подумать только! Когда-то ты славился умением говорить комплименты и очаровывать. Что же заставляет постоянно и незаслуженно обижать самую милую и приятную девушку во всей Англии?

– Я не обижаю ее постоянно – только сегодня.

Одри презрительно скривилась.

– До чего же удобно обладать короткой памятью! А вот весь Стоуни-Кросс прекрасно помнит, как однажды ты заявил, что ее место в конюшне.

– Ни за что на свете не сказал бы подобного женщине, какой бы эксцентричной она ни казалась… и продолжает казаться.

– Беатрикс услышала твои слова во время разговора с одним из приятелей на осеннем празднике в поместье Стоуни-Кросс.

– И всем рассказала?

– Нет. Но совершила ошибку и поделилась с Пруденс, а та разнесла сплетню по всей округе. Мисс Мерсер хлебом не корми – дай позлословить.

– Да, бедняжка явно не пользуется твоей симпатией, – сделал вывод Кристофер. – Но если ты…

– Изо всех сил я старалась ее полюбить. Надеялась, что если стереть несколько слоев искусственности и притворства, внутри окажется настоящая Пруденс. К сожалению, выяснилось, что внутри пустота. И вряд ли эта пустота когда-нибудь заполнится.

– На твой взгляд, Беатрикс Хатауэй лучше?

– Во всех отношениях, за исключением, пожалуй, внешности.

– А вот в этом-то ты как раз ошибаешься, – уверенно возразил Кристофер. – Мисс Хатауэй – истинная красавица.

Одри вскинула брови.

– Ты так считаешь? – между делом уточнила она, поднимая чашку к губам.

– Не считаю, а вижу. Несмотря на характер, невозможно не признать, что мисс Хатауэй на редкость хороша собой.

– О, право, не знаю… – Одри сосредоточилась на чае, даже положила еще один кусочек сахара, совсем крошечный. – Беатрикс довольно высокого роста.

– И рост, и фигура безупречны, идеальны.

– Да и каштановые волосы вполне обычны.

– Но это не простой каштановый цвет, а темный, как соболий мех. А глаза…

– Голубые, как у многих в Англии, – отмахнулась Одри.

– Глаза самой глубокой, самой чистой синевы, какую только доводилось видеть. Ни одному художнику не удастся передать… – Кристофер внезапно замолчал. – Не важно. Я отвлекся от темы.

– Так в чем же заключается тема? – мило осведомилась Одри.

– В том, что мне безразлично, красива ли мисс Хатауэй или нет. Она странная, как и все ее родственники, и никто из них меня не интересует. Точно так же не имеет значения и внешность Пруденс Мерсер; важны лишь ее мысли и рассуждения – чудесные, оригинальные, захватывающе интересные.

– Понятно. Значит, Беатрикс рассуждает странно, а мисс Мерсер – оригинально и захватывающе интересно?

– Именно так.

Одри задумчиво покачала головой.

– Вообще-то я давно хочу кое-что тебе рассказать, но лучше промолчу: со временем все прояснится. А если услышишь правду от меня, все равно не поверишь. Вернее, ты не захочешь поверить. До всего надо дойти своим умом.

– Одри, о чем ты, черт возьми? Что за туман?

Сложив на груди тонкие, почти прозрачные руки, невестка смотрела строго, хотя в уголках губ притаилась едва заметная улыбка.

– Если считаешь себя джентльменом, – наконец сдержанно произнесла она, – то завтра же пойдешь к Беатрикс и попросишь прощения за грубость. Кстати, не забудь взять с собой Альберта – его-то она точно будет рада видеть.

Глава 8

В Рамзи-Хаус Кристофер отправился на следующий день, после ленча. И вовсе не потому, что ему хотелось туда идти. Просто конкретные планы как-то не сложились, а чтобы то и дело не сталкиваться с обвиняющими взглядами матери и не созерцать стоическое спокойствие Одри, оставался единственный вариант: уйти из дома. Тишина полутемных комнат, таящиеся в каждом углу воспоминания казались слишком тяжелым испытанием.

А ведь еще предстояло расспросить Одри о последних днях брата, о его прощальных словах.

Беатрикс Хатауэй не ошиблась, предположив, что смерть Джона стала для него реальностью только после возвращения домой.

Пока шли по лесу, Альберт радостно носился вокруг, принюхивался, деловито рылся в мягкой земле. Кристофер чувствовал себя не слишком уютно, предвкушая недружелюбную встречу в Рамзи-Хаусе. Беатрикс, разумеется, нажаловалась родным и рассказала о недостойном поведении соседа. Все

наверняка рассердились и осудили – и правильно сделали. Семейство Хатауэев славилось сплоченностью и неизменной готовностью всех в любую минуту броситься на помощь каждому. Иначе и быть не могло: мало того что род не отличался знатностью и благородством, так еще и принял в свои ряды двух цыган в качестве зятьев.

Единственное, что позволяло семье вращаться в приличном обществе, – это звание пэра, доставшееся Лео, лорду Рамзи. Немало помогла также и благосклонность лорда Уестклифа, одного из самых могущественных и уважаемых пэров королевства. Эта связь обеспечила доступ в замкнутый круг, в который нельзя было попасть иным путем. Однако местное дворянство проявляло чрезвычайное недовольство тем обстоятельством, что сами Хатауэи не обращали на светские условности ни малейшего внимания.

Подходя к особняку, Кристофер запоздало спросил себя, какого черта он явился без предупреждения. Вполне возможно, что день для визита неподходящий, а уж о времени и говорить нечего. Впрочем, хозяева скорее всего не заметят нарушения этикета.

Обширное поместье Рамзи славилось своей продуктивностью: три тысячи акров пахотных земель и двести процветающих арендаторских хозяйств приносили солидный доход, а большой лес ежегодно давал немалое количество ценной древесины. Сам старинный дом выглядел оригинальным и, как неохотно признал Кристофер, по-своему красивым. От центрального мансардного окна средневекового облика в обе стороны отходили ряды остроконечных фронтонов и коньки эпохи Якова Первого, украшенные причудливыми орнаментами. Слева возвышалась аккуратная прямоугольная пристройка в георгианском стиле. Смесь архитектурных деталей вовсе не казалась необычной; многие дворянские гнезда вели свою историю с незапамятных времен и постепенно обрастали новыми, порой весьма неожиданными добавлениями. Но в случае с семейством Хатауэй даже облик дома подчеркивал всеобщую странность.

Кристофер прикрепил к ошейнику Альберта поводок и с откровенным страхом направился к парадному входу.

Если повезет, то принять его никто не сможет.

Предусмотрительно привязав собаку к столбику возле выхода, он поднялся по широким пологим ступеням, постучал и погрузился в напряженное ожидание.

Вскоре дверь распахнулась и на пороге показалась экономка с обезумевшим взглядом.

– Прошу прощения, сэр, но у нас в самом разгаре… – Из глубины донесся звон фарфора. – О… Боже милостивый! – Она со стоном показала в сторону маленькой гостиной. – Подождите там, пожалуйста.

– Поймал! – послышался мужской голос. – Черт возьми, нет! Вырвалась и бежит к лестнице!

– Не пускай ее наверх! – закричала женщина. Где-то плакал ребенок. – О, это проклятое существо разбудило маленького! Куда девались горничные?

– Наверное, попрятались.

Не веря собственным ушам, капитан Фелан помедлил у входа… неподалеку блеяла коза.

– В доме живет коза? – невозмутимо осведомился он.

– Нет, конечно, нет. – Экономка попыталась втолкнуть его в гостиную. – Это… плачет ребенок. Да, ребенок.

– Что-то не очень похоже, – усомнился гость.

Снаружи залаял Альберт. По холлу проворно, почти не хромая, пронеслась кошка на трех лапах, а за ней – значительно быстрее, чем принято ожидать от созданий подобного рода, – просеменил ощетинившийся ежик. Экономка поспешила за дружной парочкой.

– Пандора, немедленно иди сюда! – раздался новый голос, и Кристофер сразу сообразил, что кричит Беатрикс. Общая суматоха требовала присоединиться к участию в действии, но как же понять, что происходит?

В это мгновение в холл ворвалась большая белая коза, а следом из-за угла показалась младшая из сестер и, заметив праздного зрителя, остановилась.

– Могли бы попытаться поймать! – воскликнула она и, узнав Кристофера, нахмурилась. – О, это вы…

– Мисс Хатауэй… – начал он.

– Подержите!

Она поспешно сунула ему в руки что-то живое и теплое, а сама помчалась в погоню за козой.

Кристофер ошеломленно посмотрел на крошечное создание и увидел новорожденного козленка – белого, с коричневой головкой. Впрочем, сама Беатрикс удивила его еще больше. Посмотрев ей вслед, капитан едва не выронил малыша: оказалось, что молодая леди не в платье, а в бриджах и высоких сапогах.

Капитану Фелану доводилось видеть женщин во всевозможных одеяниях и без оных, но вот в наряде конюха перед его взором до сих пор не представала ни одна из сестер Евы.

– Наверное, это сон, – рассеянно обратился Кристофер к неловкому пушистому комочку. – Очень странный сон о Беатрикс Хатауэй и козах…

– Есть! Поймал! – радостно прокричал уже знакомый мужской голос. – Я же говорил, что загон надо делать выше!

– Она не перепрыгнула, – возразила Беатрикс, – а прогрызла изгородь.

– А кто пустил ее в дом?

– Никто. Сама пробралась через кухню.

Продолжение разговора разобрать не удалось.

В парадную дверь, задыхаясь от быстрого бега, влетел темноволосый мальчуган лет четырех. В руке он воинственно сжимал деревянный меч, а голову обвязал носовым платком – настоящий маленький пират.

– Поймали козу? – с ходу осведомился он.

– Кажется, да.

– Вот не везет! Пропустил самое интересное, – вздохнул мальчик и посмотрел внимательно. – А ты кто?

– Капитан Фелан.

Во взгляде вспыхнул интерес.

– А где же твой мундир?

– Война закончилась, и я его снял.

– Ты пришел к моему папе?

– Нет, я… хотел бы побеседовать с мисс Хатауэй.

– Ты один из ее кавалеров?

Чтобы развеять сомнения, Кристофер решительно покачал головой.

– А может быть, и кавалер, только пока еще и сам не знаешь.

Впервые за долгое время Кристофер улыбнулся по-настоящему.

– У мисс Хатауэй много кавалеров?

– Много. Но только ни один не хочет на ней жениться.

– Почему, как ты думаешь?

– Все боятся, что в них выстрелят. – Мальчик пожал плечами.

– Что? – не понял Кристофер.

– Прежде чем жениться, надо влюбиться, а для этого в тебя должны выстрелить из лука. – Он задумался. – Наверное, дальше не так больно, как в самом начале.

Кристофер улыбнулся еще шире. В этот момент Беатрикс вернулась в холл вместе с мамашей-козой, которую тащила на веревке, и пристально посмотрела на незваного гостя.

Улыбка поблекла, а Кристофер утонул в нестерпимо синих глазах. Они оказались поразительно чистыми и прозрачными… глаза странствующего ангела. Почему-то подумалось, что никакие грехи мира не смогут их замутить, но в то же время все, что увидел и совершил он сам, никогда не сотрется из памяти и навсегда останется в темных закоулках души.

Мисс Хатауэй медленно перевела взгляд на племянника.

– Рай, будь добр, отведи Пандору в амбар. И козленка отнеси. – Она подошла и бережно взяла новорожденного. Ее нечаянное легкое прикосновение вызвало его мгновенный и несоразмерный, хотя и приятный ответ.

– Хорошо, тетя. – Мальчик послушно отправился выполнять задание, удивительным образом легко справляясь с двумя животными и продолжая крепко сжимать меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kleypas_liza/lyubov-v-polden

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити